МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть пятьдесятъ шестая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1834.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 13 дня, 1833 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Digitized by Google

№ V. МАРТЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

БЕЕТХОВЕНЪ.

Сочиненіе Зейфрида (*).

Людовикъ фанъ Беетховенъ родился 17 Декабря 1770 года, въ Боннѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ Капеллѣ Курфирста и былъ теноромъ. Людовикъ говаривалъ, что его смѣшивали съ братомъ, одного съ нимъ имени, и что

(*) Зейфридъ былъ другъ Беетховена; разсказъ его о жизни знаменитаго художника отличается такою истиною, такимъ простосердечіемъ, что ученый знатокъ Музыки Фетисъ, издавая на Французскомъ языкѣ Etudes de Beethoven (1833, 2 v.), предпочелъ

Digitized by Google

онъ родился 16 Декабря 1772 года, слѣдовательно двумя годами позже означеннаго выше времени. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ онъ оказывалъ такую склонность и такія удивительныя способности къ Музыкѣ, что отецъ началъ учить его этому Искусству съ пятаго года жизни. Скоро увидѣлъ онъ, что ученикъ уже превышаетъ учителя знаніемъ, и потому отдалъ его придворному органисту Фанъ-деръ-Эдену, который почитался тогда лучшимъ піанистомъ въ Боннѣ. Послѣ смерти Фанъ-деръ-Эдена, юный Людовикъ пользовался уроками новаго органиста, Нефа; за ученье его платилъ Эрцгерцогъ Максимиліанъ Австрійскій, занявшій тогда тронъ Курфирстерскій. Нефъ, искусный учитель, видя что его ученикъ уже въ состояніи понимать великія красоты, началъ изъяснять ему образцовыя произведенія Себастіана Баха, и сочиненія этого художника, вмѣстѣ съ безсмертными произведеніями Генделя, остались навсегда предметомъ неутомимаго соревнованія и почти обожанія Беетховена. Одинпадцати лѣтъ, молодой виртуозъ уже разыгры-

---

Зейфридово описаніе жизни Беетховена всѣмъ другимъ, и напечаталъ его при своей книгѣ. *Примѣч. Переводчика.*

Digitized by Google

валъ съ удивительнымъ совершенствомъ, и съ быстротою, почти невѣроятною, знаменитое собраніе сочиненій Баха, извѣстное подъ названіемъ: Clavecin bien tempéré. Въ тоже время онъ уже чувствовалъ непреодолимое влеченіе сочинять самому: о томъ свидѣтельствуютъ его варіяціи на одинъ маршъ, три сонаты для фортепіано, и нѣсколько арій, которыя были выгравированы и изданы въ Шпейерѣ и Мангеймѣ.

Но истинная слава его была въ свободной фантазіи. Герберъ, въ новомъ своемъ *Словарѣ Музыкантовъ* (Tonkünstler-Lexicon), пишетъ, что въ присутствіи ученаго композитёра Юнкера, Бетховенъ съ удивительною легкостью импровизировалъ на заданную тему и развивалъ ее по всѣмъ правиламъ.

Видно было, что молодой Бетховенъ долженъ столь-же отлично играть на органѣ какъ на фортепіано; потому Курфирстъ, другъ Искусствъ, назначилъ его преемникомъ Нефа, и оставивъ за нимъ званіе придворнаго органиста, позволилъ ему провести нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, для усовершенствованія себя, на счетъ своего Государя, въ теоріи и практикѣ музыкальной, подъ руководствомъ Іосифа Гайдна. Но извѣстно, что сей послѣдній вскорѣ согласился на почетное и выгодное для него

Digitized by Google

предложеніе въ Англіи, и уѣхалъ туда, ввѣ-
ривъ достойнаго воспитанника другу и собра-
ту своему, славному капельмейстеру Альбрехтс-
бергеру, который и ввелъ Беетховена ме-
тодически во всѣ таинства контрапункціи (*).

(*) Еще въ 1790-мъ году, Беетховенъ ѣздилъ на короткое время въ Вѣну, единственно послушать Моцарта, къ которому имѣлъ онъ рекомендательныя письма. Беетховенъ импровизировалъ передъ нимъ, но Моцартъ оставался совершенно равнодушенъ, въ увѣренности, что слышитъ выученное наизустъ. Тогда молодой человѣкъ, котораго самолюбіе было затронуто, просилъ дать ему какую угодно тему. «Хорошо, я поймаю тебя!» пробормоталъ Моцартъ и тотчасъ написалъ мотивъ хроматической фуги, на выворотъ, такъ что изъ него выходила двойная противоположная хроматическая фуга. Это не ввело Беетховена въ заблужденіе. Онъ тотчасъ понялъ скрытый смыслъ заданнаго мотива, и въ продолженіе почти трехъ четвертей часа разыгрывалъ его съ такою силою, оригинальностію, и такъ геніяльно, что смущенный слушатель его становился болѣе и болѣе внимателенъ, удерживалъ дыханіе, и наконецъ тихонько, на цыпочкахъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ, бывшимъ съ нимъ друзьямъ, сказалъ въ полголоса, блистая воспламененными глазами: «Обратите

Digitized by Google

Собственныя *Изученія* Беетховена показываютъ, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ слѣдовалъ онъ урокамъ своего учителя. Это будетъ еще понятнѣе, когда узнаютъ, что тутъ напечатана едва-ли десятая часть сборника, оставленнаго сочинителемъ, гдѣ почти на каждую часть школы есть пятьдесятъ или шестьдесятъ примѣровъ, которые издавать было-бы совершенно излишне. Юный орелъ ни мало не довольствовался спаринными указаніями въ тѣхъ предметахъ, которые почитались непреложными и неоспоримыми. Онъ часто упоминаетъ объ этомъ въ замѣткахъ своихъ, написанныхъ слогомъ сатирическимъ. Привычка: писать отдѣльныя замѣтки, кажется слилась у него, въ зрѣломъ возрастѣ, съ другою: излагать свои самыя тайныя помышленія (**).

вниманіе на этого молодаго человѣка! Со временемъ вы услышите о немъ!»

(**) Когда, въ послѣднее время, попадались ему критики, гдѣ упрекали его за ошибки въ сочиненіяхъ, онъ обыкновенно потиралъ себѣ руки, съ довольнымъ видомъ, и говорилъ, помирая со смѣху: «Такъ, такъ! Они дивятся, ломаютъ себѣ голову, потому что не нашли этого въ своихъ книгахъ о генералъ-басѣ!»

Digitized by Google

Уже Бетховенъ обратилъ на себя общее вниманіе разными сочиненіями, и почитался въ Вѣнѣ первоклассным піанистомъ, когда въ послѣдніе годы осмнадцатаго столѣтія онъ встрѣтилъ въ Г-нѣ Вёльфлѣ соперника, однихъ съ нимъ лѣтъ. Тутъ нѣкоторымъ образомъ возобновился стариннный Французскій споръ Глюкистовъ и Пиччинистовъ, и многочисленные любители Музыки въ столицѣ раздѣлились на двѣ противоположныя парціи. Главою партизановъ Бетховена былъ благородный и любезный Князь Лихновскій; однимъ изъ самыхъ жаркихъ защитниковъ Вёльфля былъ славный Раймондъ Баронъ фонъ Вецларъ, котораго очаровательная вилла (въ Грюнбергѣ, близъ загороднаго Императорскаго дворца Шенбрунна) представляла всѣмъ, отечественнымъ и чужестраннымъ художникамъ, въ хорошее время года, прелестное убѣжище, гдѣ могли они всегда ожидать ласковаго пріема и драгоцѣнной свободы. Тамъ-то любопытное соперничество двухъ атлетовъ часто доставляло живыя наслажденія обществу многочисленному, но избранному. Каждый изъ нихъ приносилъ туда свои новыя сочиненія, каждый свободно предавался вдохновеніямъ своего воображенія. Часто они садились каждый за особое фортепіано, и попеременно импровизировали на заданную другъ другу шему, или играли въ четыре руки ка-

Digitized by Google

призъ, который конечно остался-бы для потомства, если-бы можно было писать его, по мѣрѣ того какъ онъ былъ игранъ.

Въ отношеніи механическаго искуства, трудно, невозможно было-бы присудить пальму первенства одному изъ нихъ; и между тѣмъ природа была благосклоннѣе къ Вёльфлю, давши ему пальцы столь длинные, что онъ доставалъ десятую клавишу такъ-же легко, какъ другіе достаютъ октаву, и могъ съ быстротою молніи выполнять обѣими руками длинные пассажи на этомъ объемѣ. Въ своихъ фантазіяхъ, Беетховенъ уже тогда показывалъ наклонность къ мрачному и таинственному. Иногда онъ погружался въ обширную, могущественную гармонію, и, казалось, говорилъ землѣ: прости! Духъ его разрывалъ всѣ путы, сбрасывалъ съ себя всякое иго, и торжественно возвышался къ небесамъ. Но вдругъ игра его становилась шумною, подобно кипящему водопаду, и художникъ извлекалъ изъ инструмента звуки чудные; потомъ онъ становился тихъ, разливался вздохами, выражалъ одну тоску; наконецъ душа его опять вспыхивала, отрывалась отъ всѣхъ страстей человѣческихъ, и *тамъ* искала наслажденій чистыхъ, упивалась мелодіею неземною. Кто изслѣдовалъ глубины моря? Геній Беетховена зналъ тотъ священный языкъ, котораго

Digitized by Google

гіероглифы могутъ изъяснять только одни посвященные въ его таинства. Вёльфль, напротивъ, образовавшійся въ школѣ Моцарта, оставался всегда подобенъ самому себѣ: никогда не пошлый, онъ былъ всегда ясенъ, слѣдовательно доступенъ для большаго числа. Искусство было у него только средствомъ къ достиженію цѣли, а не средствомъ пустой роскоши или хвастовства знаніемъ. Онъ умѣлъ всегда возбуждать участіе, и поддерживать его постояннымъ послѣдованіемъ и хорошимъ расположеніемъ своихъ идей. Кто слышалъ Гуммеля, тотъ пойметъ, что̀ хотимъ мы выразить здѣсь.

Для наблюдателя безкорыстнаго было увлекательно, не только любопытно видѣть двухъ меценатовъ, совершенно занятыхъ игрою своихъ покровительствуемыхъ. Они взглядывали другъ на друга ободрительно, и любили, съ древнею вѣжливостью и совершенною справедливостью, отдавать должное взаимнымъ преимуществамъ своихъ любимцевъ.

Впрочемъ, оба покровительствуемые очень мало заботились объ этомъ. Они уважали, ибо умѣли справедливо оцѣнивать другъ друга, зная при томъ аксіому, что на поприщѣ славы дорога очень просторна, и что многіе могутъ идти по ней, не стараясь впалкиваться въ одну колею.

Digitized by Google

Между тѣмъ война, смущавшая Германію, и смерть знаменитаго покровителя, истребили навсегда надежду Беетховена: поселиться въ родномъ своемъ городѣ; посему онъ, уже имѣя отъ своего Искуства достаточный доходъ, рѣшился остаться въ Вѣнѣ, тѣмъ охотнѣе, что къ нему пріѣхали два молодые брата, которые совершенно освобождали его отъ домашнихъ заботъ, и—дѣло необходимое— принимали на себя родъ попечительства надъ всѣми подробностями обыкновенной жизни, потому что онъ зналъ только художническую жизнь.

Около этого времени Беетховенъ испыталъ свои силы, съ успѣхомъ самымъ рѣшительнымъ, въ стилѣ квартета, благородномъ стилѣ, преобразованномъ, или лучше сказать созданномъ Гайдномъ, и обогащенномъ универсальнымъ геніемъ Моцарта глубиною болѣе душевною, болѣе величественною, которая соединялась у него со всѣмъ очарованіемъ прелести. Наконецъ Беетховенъ возвелъ этотъ стиль до такой степени могущества, что лишь немногіе избранные могутъ достигнуть его высоты, и никто не превзойдетъ его. Очень кстати Беетховенъ подружился въ это время съ виртуозами, окружавшими Князя Разумовскаго: это были Шупанчикъ, Вейссъ и Линке. Окон-

Digitized by Google

чивъ какое нибудь изъ своихъ сочиненій, онъ сообщалъ имъ свои идеи о характерѣ и выраженіи онаго; онъ, такъ сказать, проникалъ въ ихъ умъ. Это заставило повторять въ Вѣнѣ, что «если хотите узнать и оцѣнить «комнатную музыку Беетховена для струн«ныхъ инструментовъ, то надобно слышать, «какъ разыгрываютъ ее превосходные виртуо«зы у Разумовскаго.» Жаль, что этого уже не льзя сказать теперь! Изъ знаменитаго тріо этихъ художниковъ, смерть похитила двухъ.

Болѣе познакомившись съ драматическою музыкою въ поучительномъ обществѣ Саліери, Беетховенъ не могъ противиться общему желанію, которое требовало отъ него оперы. Совѣтникъ Зоннлейтнеръ принялъ на себя передѣлать для Вѣнскаго театра оперу *Леонора*, изъ Французской пьесы, называемой L'Amour conjugal; Беетховенъ поселился въ самомъ театрѣ и принялся за работу съ жаромъ и любовью.

Съ этого времени началась дружеская связь между Беетховеномъ и пишущимъ сіи строки. Мы жили подъ одною кровлею; каждый день садились за одинъ столъ, и уже съ тѣхъ поръ я не только почиталъ его лучезарною звѣздою, восходившею на музыкальномъ горизонтѣ, но и съ каждымъ днемъ болѣе влюблялся въ его

Digitized by Google

чистую душу, исполненную добра и простоты почти дѣтской, въ его сочувствіе и любовь ко всему человѣчеству. Я вполнѣ понималъ свое счастіе, прежде всѣхъ удивляться безсмертнымъ произведеніямъ, которыя породилъ неутомимый геній его въ краткое время двухъ годовъ. Это были: Опера *Леонора*, Ораторія *Христосъ на горѣ Элеонской*, симфоніи *Героическая* и *Пасторальная*, еще симфонія на ut mineur, концерты для фортепіано на sol, на mi bémol и на ut mineur, сочиненные имъ для разныхъ концертовъ, данныхъ въ его пользу, гдѣ онъ самъ игралъ свои концерты, при аккомпанированіи превосходнаго оркестра, которымъ управлялъ я.

Опера *Леонора*, болѣе извѣстная подъ названіемъ *Фиделіо*, и долженствовавшая впослѣдствіи заслужить славу всемірную, была принята не блистательно при первомъ появленіи на сцену. Сначала, за исключеніемъ дѣвицъ Мильдеръ и Мюллеръ, и Г-на Мейера, показавшихъ себя истинными художниками, исполненіе оперы было совсѣмъ неудовлетворительно; а послѣ того, постепенное приближеніе театра войны обращало на себя и поглощало вниманіе всѣхъ. Беетховенъ написалъ для Прагскаго театра новую увертюру, не столь трудную какъ первая, и изданную уже послѣ

Digitized by Google

смерши Автора. Въ слѣдующемъ году, Директоры Вѣнскаго театра Kärnthnerthor, Зааль, Вейнмюллеръ и Фогель, избрали *Фиделіо* для представленія въ свою пользу. Тогда сочиненію была придана та форма, въ какой оно остается теперь: оно передѣлано въ два дѣйствія, и для него вновь написана величественная увертюра на mi majeur. Эта увертюра не была кончена ко дню представленія, и надобно было замѣнить ее другою, изъ *Авинскихъ развалинъ*, на sol majeur. Беетховенъ сочинилъ еще небольшой маршъ, куплеты тюремщика и финалъ перваго дѣйствія; за то онъ исключилъ trio, исполненное мелодіи, на mi bémol majeur, и прелестный дуэтъ, для голоса soprano, со скрыпкою и віолончелью (ut majeur, въ $\frac{9}{8}$). Ихъ послѣ не было въ партитурѣ.

Думая, что надобно предпочесть состояніе прочное и обезпеченное, по всѣмъ вѣроятностямъ на всю жизнь, существованію ненадежному, и зависящему отъ прихотей случайности, Беетховенъ рѣшился принять у Короля Вестфальскаго, въ Касселѣ, должность капельмейстера, которая была предложена ему въ 1809-мъ году, на условіяхъ весьма выгодныхъ.

Тогда трое друзей Искусства, истинно достойные сего наименованія, Эрцгерцогъ Ру-

Digitized by Google

дольфъ (впослѣдствіи Архіепископъ Кардиналъ Ольмюцскій , Князья Лобковичъ и Кинскій , вступились въ это дѣло, и въ самыхъ лестныхъ , самыхъ почетныхъ для Беетховена выраженіяхъ составили актъ , которымъ обезпечивали ему четыре тысячи флориновъ годоваго дохода , съ тѣмъ , чтобы онъ пользовался имъ во всю жизнь, если не будетъ получать инымъ образомъ равной суммы (чего не могло случиться никогда). Сказано было только , что онъ долженъ проживать этотъ доходъ въ границахъ Австрійскихъ владѣній (*). Беетховенъ былъ тронутъ такимъ свидѣтельствомъ удивленія къ его дарованіямъ ; навсегда связанный узами признательности, онъ остался, для удовольствія всѣхъ , и продолжалъ , не утомляясь никогда , творить, строить исполинскій храмъ своего безсмертія , до того времени , когда ангелъ мира прилетѣлъ тихо восхитить его , на крылахъ своихъ, въ невѣдомое царство вѣчной гармоніи. Для насъ , которые любили Беетховена столь нѣжно , дорожили въ немъ благороднымъ человѣкомъ и несравненнымъ худож-

---

(*) Надобно также съ благодарностію вспомнить о Графинѣ Маріи Эрдоди , урожденной Графини Нисской, которой дружба всегда была усердна и великодушна.

Digitized by Google

никомъ, для насъ остались только слѣды смертной его оболочки. Кто можетъ не проливая слезъ попирать землю, скрывающую прахъ великаго человѣка, въ успокоительномъ полѣ Варингскомъ? Кто можетъ, не предаваясь печальнымъ, религіознымъ помышленіямъ, глядѣть на небольшой холмъ, подъ которымъ успокоились остатки его? Кто можетъ удалиться отъ этого священнаго мѣста, не благословивъ памяти того, чей духъ живетъ въ его твореніяхъ, и будетъ жить еще долго, послѣ всѣхъ, которые знали его, любили, и которые отдадутъ послѣдній долгъ, сошедши въ мракъ и молчаніе могилы?

Беетховенъ могъ-бы быть счастливъ; отличія, признательность окружали его со всѣхъ сторонъ. Въ примѣръ, я напомню медаль, выбитую въ Парижѣ, съ его портретомъ; фортепіано Брадвуда, присланное ему въ подарокъ изъ Лондона, съ именами дарителей: Клементи, Крамера, Калькбреннера, Мошелеса и Сира Джоржа Смарта; полное и великолѣпное собраніе сочиненій Генделя, присланное къ Беетховену въ послѣдній годъ его жизни Г-мъ Штумпфомъ и доставившее ему такъ много радости; титулъ Почетнаго Гражданина Вѣны, дипломы Члена Шведской Академіи, Австрійскаго Общества любителей Музыки, и проч., и проч.

Digitized by Google

Но что могло замѣнить для него отъятое судьбою? Что можетъ быть горестнѣе для музыканта, какъ не потеря чувства слуха? Недугъ развивался тихо, и сначала Беетховенъ пренебрегалъ всѣ пособія искуства; но напослѣдокъ, сдѣлавшись совершенно глухъ, онъ могъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ пера и бумаги.

Неизбѣжными послѣдствіями такого состоянія были: привычка къ безпокойной, мрачной недовѣрчивости, и неодолимая потребность въ уединеніи—обыкновенные предвѣстники ипохондріи. Читать, работать, прогуливаться за городомъ, что всегда любилъ онъ особенно: таковы были самыя пріятныя его занятія. Небольшой кругъ друзей, милыхъ, драгоцѣнныхъ, составлялъ всѣ его развлеченія. Мало по малу другіе недуги стали поражать его тѣло, по природѣ столь крѣпкое и здоровое; понадобились пособія Медицины. Докторъ Ваврухъ, Профессоръ Клиники въ Главномъ Госпиталѣ, не упускалъ ничего для облегченія своего знаменитаго больнаго; но уже надежды на выздоровленіе не было. Припадки водяной болѣзни стали являться чаще, и вскорѣ наслалъ часъ отшествія. Беетховенъ разстался съ жизнію безъ усилій, бросая спокойный взглядъ на

Digitized by Google

безукоризненное прошедшее и взглядъ надежды на будущее.

Онъ сдѣлалъ, по духовному завѣщанію, единственнымъ наслѣдникомъ своимъ племянника, Карла фанъ Беетховена, котораго за нѣсколько лѣтъ до того скрытно усыновилъ, и, любя какъ сына, забошился самъ о его ученіи; а такая благосклонность была у него великою рѣдкостью, потому что лишь Архіепископъ Рудольфъ и Фердинандъ Рисъ могутъ одни, по справедливости, назваться его учениками.

Беетховенъ оставилъ наличными деньгами около 9000 флориновъ (кромѣ 125 дукатовъ, которые былъ долженъ ему одинъ иностранный Принцъ, за разныя сочиненія). Этимъ совершенно опровергается слухъ, будто Беетховенъ находился почти въ нищетѣ. Надобно сообразить только, что труды его, особенно въ послѣднее время, доставляли ему значительныя суммы, и что право издавать его симфоніи, кварпеты, и проч., было покупаемо у него за весьма высокую цѣну разными продавцами нотъ, какъ-то Шпейнеромъ и компаніею, Шоттомъ сыномъ и Шлезингеромъ. Кромѣ того, еще не начиная гравировать своей второй обѣдни, онъ разослалъ десять или двѣнадцать списковъ ея главнѣйшимъ владѣтель-

Digitized by Google

нымъ особамъ, и получилъ за каждый экземпляръ подписную цѣну, по пятидесяти червонцевъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ почтили память Беетховена въ Вѣнѣ, въ этомъ городѣ Искусствъ; Прага, Берлинъ, Бреславль и многіе другіе города Германіи, оспоривали одинъ у другаго пальму въ отданіи послѣднихъ почестей великому художнику. И нынѣ, каждый годъ они воспоминаютъ день его кончины великолѣпнымъ торжествомъ.

Беетховенъ никогда не былъ женатъ, и, что гораздо удивительнѣе, неизвѣстно даже, чтобы онъ когда нибудь зналъ сердечную привязанность. Различные портреты хорошо выражаютъ его физіогномію. Онъ былъ средняго роста, и его станъ, крѣпко устроенный, его широкія кости, показывали образъ силы. Онъ никогда не бывалъ боленъ, не смотря на то что велъ жизнь странную.

У него были двѣ главныя склонности, или лучше сказать двѣ страсти; переселяться съ квартиры на квартиру и прогуливаться. Едва устроившись въ одномъ жилищѣ, онъ тотчасъ находилъ въ немъ что нибудь не по нраву себѣ, и не былъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ новой квартиры. Каждый

Digitized by Google

день, какая-бы ни была погода, холодъ, жаръ, дождь, градъ, онъ, едва окончивъ свой обѣдъ, что всегда бывало въ часъ по полудни, отправлялся, и большими шагами совершалъ обыкновенную свою прогулку, то есть два раза обходилъ вокругъ города.

Только въ небольшомъ кругу искреннихъ друзей, Беетховенъ позволялъ себѣ высказывать свое мнѣніе о другихъ композиторахъ. Онъ почиталъ Керубини величайшимъ изъ современныхъ драматическихъ композиторовъ, а Генделя художникомъ изъ художниковъ, соображая слабость его средствъ и могущество эффектовъ. Лучшимъ сочиненіемъ Моцарта казалась ему *Волшебная флейта*, потому что въ ней Моцартъ явилъ себя истиннымъ Нѣмецкимъ композиторомъ, тогда какъ *Донъ Жуанъ*, по мнѣнію Беетховена, слишкомъ напоминалъ Итальянскій манеръ; впрочемъ онъ не могъ постигнуть, какъ можно было унижать святость Искуства до такого соблазнительнаго предмета. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ, знаменитымъ композиторамъ нашего времени, Беетховенъ былъ строгъ въ своемъ сужденіи, котораго справедливость подвержена сильному оспориванію. Онъ никогда не могъ понять достоинствъ Россини и Вебера.

Digitized by Google

Для большаго поясненія характера и внутренней жизни Беетховена, помѣщаемъ здѣсь его *Завѣщаніе*, которое было писано имъ за долго до смерши. Онъ умеръ 26 Марша (н. сш.) 1827 года.

Братьямъ моимъ Карлу и. . . . . Беетховенамъ.

« О люди! вы, которые почитаете меня угрю-
« мымъ, сварливымъ, мизантропомъ! Какъ вы
« несправедливы ко мнѣ. Вы не знаете тайныхъ
« причинъ, отъ чего я кажусь такимъ. Съ дѣш-
« ства я былъ увлекаемъ сердцемъ и умомъ къ
« чувству благосклонному; даже ощущалъ по-
« требность въ добрыхъ дѣлахъ; но подумай-
« те, что уже шесть лѣтъ я страдаю ужаснымъ
« недугомъ, который еще усиливаютъ невѣжды-
« лекаря; что съ году на годъ ласкаемый на-
« деждою облегченія, наконецъ я вижу, что
« мнѣ должно оставаться подъ властію недуга,
« отъ котораго надобно лечиться долго, и мо-
« жетъ быть совсѣмъ не льзя вылечиться. Со-
« образите, что я родился съ темпераментомъ
« пламеннымъ, бурнымъ, и способный чувство-
« вать удовольствія общества, принужденъ
« разлучиться со всѣмъ такъ рано, вести
« жизнь уединенную. Если иногда я хотѣлъ за-
« быть свою болѣзнь, о! какъ жестоко бывалъ
« я наказанъ печальнымъ, горестнымъ испыта-

Digitized by Google

« ніемъ трудности слышать. И между шѣмъ я « не могъ-же сказать людямъ: « *Говорите гром-* « *че!* *кричите; я глухъ.* » Какъ рѣшиться объя- « вить о слабости того чувства, которое дол- « жно быть у меня сильнѣе нежели у всякаго « другаго! чувства, которымъ обладалъ я въ « совершенствѣ, и въ такомъ совершенствѣ, « какое встрѣчается у немногихъ людей моего « Искусства. Нѣтъ, это невозможно для меня!

« И такъ прощайте меня, видя что я уда- « ляюсь въ то время, когда желалъ-бы вмѣ- « шаться въ вашъ кругъ. Мое несчастіе тѣмъ « тягостнѣе, что заставляетъ ложно понимать « меня. Нѣтъ для меня развлеченія въ сообще- « ствѣ людей и въ умномъ ихъ разговорѣ; « нѣтъ взаимныхъ откровеній; я живу почти со- « вершенно одинъ, безъ всякихъ сношеній, кро- « мѣ тѣхъ, къ которымъ побуждаетъ всевласт- « ная необходимость. Подобно изгнаннику, вся- « кій разъ, какъ только приближаюсь къ міру, « я чувствую ужасное безпокойство и стра- « шусь каждую минуту, что выкажу свое со- « стояніе. Такъ въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, « которые провелъ я въ деревнѣ, когда иску- « сный медикъ совѣтовалъ мнѣ какъ можно боль- « ше беречь слухъ, такое наставленіе было « согласно съ тогдашнимъ моимъ расположеніемъ.

« Однакожъ, когда на перекоръ всѣмъ при- « чинамъ, удалявшимъ меня отъ общества, я

Digitized by Google

« увлекался въ него, страшная тоска овладѣ-
« вала мною, если кто нибудь, сидя подлѣ ме-
« ня слышалъ вдалекѣ флейту, а я не слыхалъ
« ничего; онъ слышалъ пѣсню пастуха, а я не
« слыхалъ ничего! Я приходилъ въ такое от-
« чаяніе, что почти былъ готовъ лишить себя
« жизни!

« Только Искусство удерживало меня. Мнѣ
« казалось невозможнымъ оставить міръ, пре-
« жде нежели я выразилъ все, что долженъ вы-
« разить. И я продолжалъ эту жалкую жизнь,
« да! очень жалкую; я былъ одаренъ такою раз-
« дражительною организаціею, что совершенная
« бездѣлица можетъ переселить меня изъ сама-
« го счастливаго расположенія, въ самое ужа-
« сное.

« Терпѣніе! Вотъ имя путеводителя, кото-
« раго я долженъ принять къ себѣ; и уже при-
« нялъ его. Надѣюсь, что рѣшительность моя
« будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда
« безжалостнымъ Паркамъ не вздумается пре-
« сѣчь нити моей жизни. Можетъ быть мнѣ будетъ
« лучше, можетъ быть нѣтъ: все равно; я рѣ-
« шился страдать. Сдѣлаться философомъ съ
« двадцати-осьми лѣтняго возраста: это не
« такъ-то легко; а для художника еще болѣе
« нежели для всякаго другаго. Боже! ты ви-
« дишь мое сердце! ты знаешь его, знаешь, что
« оно дышитъ только филантропіею и желані-

Digitized by Google

« емъ дѣлашь добро. Люди! когда вы прочитае-
« ше это, подумайте, что вы были виноваты
« передо мною; а несчастный да ушѣшится,
« нашедши подобнаго ему, сдѣлавшаго, не смо-
« тря на всѣ препятствія природы, все, что
« было въ его власти, дабы стать посреди лю-
« дей и художниковъ отличныхъ. Вы, мои
« брашья, Карлъ и . . . . .! Если Профессоръ
« Шмидтъ будетъ еще живъ, когда не станетъ
« меня, попросите его, моимъ именемъ, опи-
« сашь мою болѣзнь; этотъ листокъ присово-
« купите къ исторіи моихъ болѣзней: пусть,
« хоть послѣ смерши моей, міръ, сколько бу-
« детъ можно, примирится со мною.

« Назначаю васъ обоихъ наслѣдниками неболь-
« шаго моего богашства (если только можно
« шакъ назвашь его); раздѣлите его дружески,
« любите другъ друга и помогайте одинъ дру-
« гому. Вы знаете, что я уже давно простилъ
« вамъ зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Брашъ
« мой Карлъ! Тебя особенно благодарю за при-
« вязанность ко мнѣ, показанную въ послѣднее
« время. Желаю, чтобы жизнь ваша была не
« шакъ печальна, какъ моя. Внушайте вашимъ
« дѣшямъ добродѣшель: она дѣлаетъ счастли-
« выми, она одна, а не деньги; я говорю это
« по опышу, ибо добродѣшель поддержала меня
« въ несчастіи; ей и моему Искусшву обязанъ

Digitized by Google

« я пѣмъ, что не прекрашилъ дней своихъ са-
« моубійспвомъ.

« Будьше здоровы и любише другъ друга.
« Благодарю всѣхъ моихъ друзей, и особенно
« Князя Лихновскаго и Профессора Шмидша.
« Желаю, чтобы инструменты музыкальные
« Князя Л. сохранялись у одного изъ васъ, и
« чтобы не было у васъ споровъ по этому.
« Какъ скоро вы можете сдѣлать изъ нихъ бо-
« лѣе выгодное употребленіе, продайше ихъ;
« мнѣ пріятно, если я и за могилою еще могу
« быть вамъ полезенъ чѣмъ нибудь. Теперь да
« исполнится судьба! Съ радосшью иду на встрѣ-
« чу смерши: если она придетъ прежде нежели
« могу я развить всѣ свои художническія спо-
« собности, это будетъ слишкомъ рано, при
« всей жестокосши моего жребія, и я желаю,
« чтобы она пришла позже. Но развѣ не дол-
« женъ и тогда я радоваться, потому что
« развѣ не избавитъ она меня отъ страданія
« безконечнаго? Приди, когда ты хочешь: я
« смѣло иду на встрѣчу тебѣ! Будьте здоровы
« и не забывайте меня вовсе, послѣ смерти
« моей. Я достоинъ воспоминанія вашего, ста-
« раясь во всю жизнь мою сдѣлать васъ счасш-
« ливыми: будьте счастливы.

Гейлигенштадтъ,
6 Октября 1802.

Людвигъ фанъ Беетховенъ.»

Digitized by Google

На пакетѣ письма:

Гейлигенштадтъ, 10 Октября 1802.

« И такъ я разстаюсь съ тобой, и разста-
« юсь печально! Да, сладостная надежда, съ
« которою здѣсь явился я: вылечиться, по край-
« ней мѣрѣ до нѣкоторой степени, теперь оста-
« вляетъ меня совершенно. Какъ осенніе листья
« падаютъ истощенные, такъ отдѣляется отъ
« меня надежда. Я удаляюсь отсюда, почти та-
« ковъ-же какъ пришелъ, и даже веселость, ча-
« сто оживлявшая меня въ хорошіе лѣтніе дни,
« исчезла. — О Провидѣніе! озари меня хоть
« однимъ днемъ радости: уже такъ давно вну-
« тренній отголосокъ истинной радости чуждъ
« для меня! Боже! когда вновь могу я вку-
« шать ее, въ храмѣ природы и людей?... Ни-
« когда?.. Нѣтъ!... это было-бы слишкомъ же-
« стоко!»

« *Братьямъ моимъ Карлу и . . . . . Послѣ моей смерти прочитать и исполнить, что написано тутъ.* »

Digitized by Google

ПИСЬМО

изъ Буюкдере въ Петербургъ (*).

О, сжальтесь надо мной! О, дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ;
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними вслѣдъ!
Противна мнѣ дремота нѣги праздной
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ пустъ въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противны мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ пришворное похмѣлье
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ!...

А. Хомяковъ.

Поклонъ, поклонъ вамъ, Петербургскіе друзья мои, поклонъ изъ далёка — съ средины Босфора!... Я говорилъ вамъ, что рано или поздно,

(*) Въ N 14-мъ Телеграфа на 1833-й годъ, напечатано письмо Г-на Соковнина изъ Турціи. Оно долженствовало быть *вторымъ*, послѣ *перваго*, здѣсь помѣщаемаго и упрашившагося въ прошедшемъ году при пересылкѣ. Нынѣ Авторъ прислалъ намъ другой списокъ съ онаго, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ печатаемъ любопытныя его описанія. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

вы получите отъ меня письмо, засыпанное прахомъ Азіи — и радуюсь, что могу сдержать слово!... Шестая стклянка, то есть одиннадцатый часъ ночи.... сей часъ съ берега.... горсть завѣтнаго песку въ карманѣ.... и я спѣшу дѣлиться съ вами шеперешними моими думами, моими ощущеніями. Но я знаю, вы этимъ не удовольствуетесь: дружба любопытна какъ женщина, сказалъ нашъ несравненный повѣствописецъ, и, разумѣется, вы потребуете отъ меня подробнаго, систематическаго изложенія исторіи странствія моего, начиная съ вашего гранитнаго Питера!... Друзья мои! кто не плакалъ при разставаніи съ священнымъ мѣстомъ воспитанія?—написано не помню гдѣ-то и кѣмъ-то; а я прибавлю къ этому: кто разставаясь не давалъ торжественныхъ обѣтовъ, *по первой-же почтѣ* излиться въ письмахъ, ко всѣмъ и каждому изъ милыхъ для его сердца?... А между тѣмъ, глядь — проходитъ мѣсяцъ, другой, третій — и все ни строчки!... Такъ случилось и со мною; съ одной стороны виноватъ, но съ другой и правъ я, друзья мои, ибо, судя хладнокровно, скажите сами, можетъ-ли встрѣтиться что нибудь достойное описанія съ человѣкомъ, скачущимъ на перекладныхъ.... Развѣ только то, что до Бѣлгорода ѣхалъ я на саняхъ, остальную-же дорогу проѣхалъ на шѣлежкѣ, и равно удобно

Digitized by Google

спалъ и падалъ, и съ саней и съ шѣлежки. Однакожь, говоря не шутя, правда и то, что человѣку наблюдательному достаточно проѣхать Россію и по большой дорогѣ, дабы замѣтить многое, очень многое; но въ то-же время надо быть *просвѣщенно-ученымъ*, чтобы умѣть воспользоваться такими наблюденіями. А что̀ будетъ толку, ежели-бы, напримѣръ, я сталъ описывать вамъ придирки станціонныхъ смотрителей, толковать о величайшемъ затрудненіи въ денежныхъ разсчетахъ, происходящемъ отъ различныхъ у насъ курсовъ монетъ и ассигнацій, почти въ каждой губерніи? или сталъ-бы разсказывать о гибельныхъ жидовскихъ *столикахъ*, на которыхъ скупаются бумажки, продается мѣлкое серебро и *карбованцы* (*), и чахнутъ червонцы!... Вы знаете, друзья мои: я не большой знатокъ въ теоріяхъ финансовыхъ—да и къ лучшему, ибо въ противномъ случаѣ, я думаю, заставилъ-бы васъ выслушать цѣлый разсказъ!... И такъ ученая часть путешествія, вы видите, сама собою отходитъ въ сторону; что̀ж касается

(*) Техническое названіе цѣлковаго, употребляемое во всей южной Россіи. Желательно было-бы знать этимологію этого слова.

Digitized by Google

до части поэтической или мечтательной (отъ которой, надо сказать, мы таки не прочь!), то она не была богата матеріялами; однакожь, нарочно избравъ путь, ознакомившій меня съ лучшими городами нашего обширнаго Отечества, я до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о нѣкоторыхъ дорожныхъ минутахъ, проведенныхъ тамъ и сямъ, и машинально берусь за свою записную книжку!... Отраднѣйшими мыслями въ продолженіе (разумѣется большею частію скучнаго) пути моего, было воспоминаніе о васъ!... Помните-ли, какъ наканунѣ отъѣзда моего, съ прощальными бокалами въ рукахъ, мы вмѣстѣ читали возвышенное стихотвореніе Г-на Хомякова начало коего нарочно я поставляю теперь въ эпиграфъ этого письма моего — и помните-ли, чего, чего не желали вы тогда мнѣ, готовому летѣть на громъ пушекъ Ибрагима! Многіе завидовали тогда судьбѣ моей; а я былъ исполненъ надеждъ на будущее.... Но есть-ли въ мірѣ что нибудь обманчивѣе обольстительной богини надежды?... И вотъ, едва оставилъ я васъ, уже въ свою очередь завидую вамъ и сожалѣю о прошедшемъ!...

Вы знаете, что я имѣлъ подорожную до Севастополя; но пріѣхавъ въ Николаевъ, удостовѣряюсь, что второй отрядъ нашего фло-

Digitized by Google

та уже отправился въ Буюкдере. Горесть, смѣшанная съ сердечною досадою, что опоздалъ, овладѣла мною, и уже я думалъ, что всѣ мои надежды, а ваши желанія, лопнули, какъ мыльный пузырь!... Но не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ!... И человѣкъ, имя коего служитъ символомъ благости во всемъ здѣшнемъ краѣ, вошелъ въ мое положеніе.... Тотчасъ-же отправился я въ Одессу, а оттуда, по распоряженію Флигель-Адъютанта К—го, назначенъ ко флоту, на транспортъ *Китъ*, ожидавшій только тихой погоды, дабы свой поврединвшійся руль замѣнить новымъ, и забравъ десантъ отправиться къ мѣсту назначенія. 23-го Марта снялись мы съ якоря на Одесскомъ рейдѣ, а 27-го находились уже въ эскадрѣ Контръ-Адмирала Лазарева, расположенной предъ Буюкдере.

Прежде нежели скажу вамъ что нибудь о здѣшней природѣ и здѣшнемъ человѣкѣ, совершенно для меня новыхъ, прошу васъ замѣтить, друзья мои, что въ продолженіе всего моего восьмилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, не случилось со мною столько приключеній, сколько въ эти полтора или два дорожные мѣсяца, такъ что, вѣрите-ли, я до сихъ поръ не могу привести въ порядокъ мыслей своихъ, и не въ состояніи былъ-бы складно

Digitized by Google

написать даже и *просительнаго* письма!... слѣдственно не взыщите!...

Вошли мы въ проливъ передъ вечеромъ, и надобно замѣтить, при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ!... Бомъ-брамсельный попутный вѣтерокъ, день ясный и теплый, громъ музыки Русской и Турецкой, разнообразные виды береговъ, сады, селенія и многочисленныя батареи, защищающія проливъ, исполинскія развалины замка, вѣнчающія одну изъ главнѣйшихъ высотъ Азіятскаго берега, все это, вмѣстѣ взятое, сначала сильно очаровало мое воображеніе, мой взоръ, такъ что, признаюсь вамъ, нѣсколько дней на все Турецкое смотрѣлъ я съ любопытствомъ, почти можно сказать ребяческимъ!... Однакожь не думайте, друзья мои, чтобы подобныя очаровательныя впечатлѣнія могли быть продолжительны. Кажется, нѣтъ еще такой прелести въ мірѣ, къ которой-бы время не могло сдѣлать насъ равнодушными! Такъ и я, день, другой, не выпускалъ зрительной трубы изъ рукъ; а теперь уже такъ все присмотрѣлось, что не хочется на это и времени тратить, особенно-же при такомъ несносномъ холодѣ и проливныхъ дождяхъ, какіе продолжаются здѣсь, вотъ уже другую половину Апрѣля мѣсяца!... Но желая дать вамъ понятіе о мѣстности, насъ окружающей,

Digitized by Google

и о томъ, что такое Буюкдере, прошу васъ представить себѣ, что домы вашей Англійской набережной вдругъ сдѣлались на цѣлый этажъ ниже; что въ ряду ихъ находятся и деревянныя лачужки; что какъ разъ съ Галерной улицы, въ высоту Адмиралтейскаго шпица, поднимаются холмообразныя громады горъ, покрытыя садами, виноградниками, и лѣсами лавровъ, миртовъ, кедровъ, кипарисовъ — это изобразитъ вамъ берегъ Европейскій. Теперь, далѣе представьте себѣ, что Нева ваша расширилась втрое; что по набережной Васильевскаго острова пролегаютъ такія-же горы, какъ и на сторонѣ противоположной, только горы болѣе дикія и пустынныя (отъ дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ), частію увѣнчанныя рядами палатокъ нашего лагеря, а частію незначительными строеніями и тѣми развалинами, о коихъ упомянулъ я выше сего: это дастъ вамъ понятіе о берегѣ Азіятскомъ, и слѣдственно о большей части пролива Константинопольскаго; только назовите при этомъ устье Невы Чернымъ моремъ. Эскадра наша стоитъ ближе къ берегу Европейскому, такъ сказать около того мѣста, гдѣ останавливается у васъ Англійскій пароходъ. Изъ всего этого, конечно вы усматриваете, что лучшими украшеніями и здѣшней природы служатъ исполины мірозданія — горы; однакожъ, не ду-

Digitized by Google

майше, друзья мои, чтобы горы сіи имѣли хоть тѣнь красотъ нашихъ горъ Финляндскихъ — этихъ *богатырей сторожевыхъ земли ледянаго вѣнца!*... Горы, окружающія Босфоръ, суть впорозданныя; внѣшностію-же образованія своего много походятъ на нашу холмистую Украйну, и, говоря вообще, не богаты видами живописными. Въ этомъ я могу положительно удостовѣрить васъ, ибо уже рѣдкая изъ горокъ сихъ не угащивала меня тѣнью своихъ кустарниковъ!... Рѣдкій водопадъ не видѣлъ меня сидящаго въ кругу добрыхъ и гостепріимныхъ Турковъ, участвующаго въ ихъ знаменитомъ *кейфѣ*, и подъ часъ восхищающагося красотою очей поклонницъ Аллаха!... (При этомъ случаѣ замѣчу вамъ, друзья мои, единожды и навсегда, что глаза у Турчанокъ обворожительные!...).

Въ особенности останутся для меня памятны мои *первыя* прогулки *въ Азіи*, вчерашняя и сегоднишняя, въ лагерь и на гору Эшуадагъ, на смотръ и къ развалинамъ!...

Вчера, то есть 14-го Апрѣля, въ первый разъ еще во всю весну, день былъ такъ хорошъ, какъ только можетъ быть подъ 41-мъ градусомъ широты. Не желая пропустить столь благопріятнаго случая постранствовать по Азіятскому берегу, и зная, что на другой день Сул-

Digitized by Google

танъ будетъ, дѣлать смотръ всѣмъ войскамъ нашимъ, я отправился съ корвета съ позаранку, дабы между прочимъ взглянуть и на приготовленія къ смотру сему.

Отъ самой пристани и до лагеря, по всему косогору, представлялся безпрерывный рядъ идущихъ и ѣдущихъ. Офицеры, солдаты, лошади, вьюки, все это было смѣшано, все въ движеніи, и, казалось, изъ всей спюль разнообразной массы, только я да вьюки подавались въ гору съ хладнокровіемъ.

Вправо отъ меня виднѣлась очаровательная долина Хункиляръ-Исиллеси, въ которой былъ назначенъ парадъ, и о коей еще будемъ имѣть случай поговорить.

Влѣвѣ, какъ серебряная парча блестѣлъ проливъ, и на немъ. . . . (сколь ничтожны всѣ созданія человѣческія предъ созданіями природы!...) и на немъ, какъ маленькія лодочки чернѣлись корабли наши! . . . Прямо-же предъ глазами моими *выростали* стройные ряды разноцвѣтныхъ палашокъ, лагерей Русскаго и Турецкаго.... Вездѣ суетятся.... вездѣ холятъ аммуницію (исключая Турковъ).... дѣятельность шакъ и кипитъ!... Тамъ, съ бумагою въ рукѣ, какъ вихрь несется нашъ Донской Казакъ!... Здѣсь, обстрѣливая лихихъ коней своихъ,

Digitized by Google

гарцуютъ Турецкіе всадники!... Вездѣ гремитъ и блещетъ оружіе!... Милліоны солнцевъ горятъ на длинномъ строѣ артиллерійскихъ орудій!... Изрѣдка, отдаленные звуки музыки въ полкахъ покрываются хохотомъ солдатъ, сбирающихся около котловъ съ кашицей!... Все это дѣлается въ одно и тоже время; все дышитъ какою-то богатырскою жизнію!... Что ни говори, а, право, друзья мои, въ лагерномъ быту есть что-то истинно очаровательное!... Этотъ хохотъ, это беззаботное презрѣніе къ будущему, и это сердечное удовольствіе, съ какимъ оттачиваетъ солдатъ свой трогранный штыкъ — прелестны, какъ смертная пѣснь Горскаго Абрека!... Такъ думалъ я тогда уже, когда достигъ вершины Эпуадага, то есть горы-исполина, которая дѣйствительно есть высочайшая изъ всѣхъ прибрежныхъ горъ Азіятскаго берега Босфора.

Давно *первый замѣнительный* флагъ, развившійся на гротъ-бомъ-брамъ-стеньгѣ Адмиральскаго орабля, показалъ полдень, но Азіятское солнце не переставало жечь меня съ запальчивостію Азіятскою; почему и расположился я отдыхать, подъ тѣнью великолѣпнаго кедра!... Все было тихо окрестъ меня!... *Стоитъ не шелохаясь и дубъ и береза*, сказалъ-бы я, еслибъ сидѣлъ не подъ кедромъ!... А вы знаете, друзья

Digitized by Google

мои, въ какую сладкую задумчивость погружаютъ *мыслящаго* человѣка безмятежныя красоты природы, окружающей его!... Въ это-то время, отрадная мечта, какъ гостья небесная, слетаетъ къ нему на крылышкахъ зефировъ, и сердце смертнаго облагороживается, возвышается въ бесѣдѣ съ небожительницею!... И ко мнѣ слетала эта дивная собесѣдница; но я не въ силахъ высказать, какія чувства волновали тогда мою душу!... Одна мысль о томъ, что я попираю землю другой части свѣта, столь знаменитой великостію прошлаго; что я на той самой землѣ, гдѣ совершались чрезвычайныя событія, предъ коими привыкли мы благоговѣть еще съ лѣтъ младенческихъ.... одна эта мысль, говорю, придавала какую-то восторженность погдашнимъ думамъ моимъ, и я исчезалъ въ звукахъ родимой музыки, игравшей въ это время, какъ нарочно, тотъ самый маршъ, который любилъ я бывши еще дитею!...

Испытали-ли вы когда нибудь на себѣ, друзья мои, волшебное дѣйствіе музыки, напоминающей вамъ о какомъ нибудь счастливомъ періодѣ вашей жизни?... Если нѣтъ, то я вамъ скажу, что эти милые звуки, вливая въ сердце грусть непомѣрную, всегда превращаются въ слезный потокъ!... «*Урусъ, знакомъ, знакомъ...*»

Digitized by Google

прервало мое уединенное раздумье: это былъ Турецкій офицеръ, предлагавшій мнѣ курить трубку и идти въ кофейню, находящуюся по близости. Это было довольно пріятное открытіе.... Но чтобы не надоѣсть вамъ, друзья мои, письмомъ своимъ, которому конца я еще не предвижу, то скажу коротко и ясно, что съ помощію пальцевъ и вѣчнаго *бельмесъ* (т. е. не понимаю), я провелъ нѣсколько времени на вершинѣ Этуадага, въ довольно пріятныхъ разговорахъ съ Турками; узналъ, что строенія, здѣсь находящіяся, суть лѣтній Султанскій дворецъ, или лучше сказать весьма простой кіоскъ, кофейня и мечеть. Дервишъ, служитель Алдаха, есть въ то-же время и содержатель кофейни сей; онъ разсказывалъ какую-то длинную исторію о томъ, что на горѣ сей нѣкогда былъ похороненъ какой-то богатырь; онъ также показывалъ заключающуюся внутри ограды, примыкающей къ здѣшней стѣнѣ мечети, могилу угодника Аллахова Решида—*во весь его ростъ*. Могила сія, по измѣренію моему, имѣющая до 25-ти шаговъ въ длину, 5 въ ширину и около аршина въ вышину, сдѣлана совершенно такъ, какъ дѣлаются наши парниковыя гряды. Мирты, лавры, пальмы, кинарисы и множество цвѣтовъ осѣняютъ и украшаютъ поверхность могилы сей; по великому-же числу лоскутковъ раз-

Digitized by Google

ныхъ машерій, привязанныхъ къ одному изъ кипарисовъ, можно заключать, что мѣсто сіе часто посѣщается благочестивыми Мугаммеданами (*); въ головѣ могилы, подъ миртовымъ кустомъ, стоитъ кружка, въ которую даже я, *гяуръ*, положилъ нѣсколько левовъ (**).

(*) Извѣстно, что Мугаммедане вѣруютъ въ чудотворность исцѣленія, происходящаго отъ приношенія даровъ Святынѣ, и даже имѣютъ въ этомъ отношеніи особенное прибѣжище къ нѣкоторымъ изъ угодниковъ Христіанскихъ. Такъ, напримѣръ, въ особенности уважаютъ они монастырь Св. Анастасіи, находящійся на островкѣ близъ Бургаса: и ежегодно присылаются туда богатые дары отъ Мусульманъ, и отъ Христіанъ, живущихъ въ Анатоліи. Люди достаточные изъ сихъ послѣднихъ присылаютъ также, для храненія въ склепахъ сего монастыря, кости умершихъ родственниковъ своихъ, почитая за грѣхъ допустить покоиться имъ въ землѣ невѣрныхъ; и обратно, всякой достаточный Турокъ стараетсѧ переносить кости предковъ своихъ въ Анатолію. Извѣстно и то, что прахъ Султановъ, первоначально погребаемыхъ въ Константинополѣ, впослѣдствіи переносятъ въ Скутари.

(**) Преимущественно употребляемая нынѣ Турецкая монета, имѣетъ собственно два отдѣленія: *мах-*

И такъ вы видѣли, друзья мои, что желая взглянуть только на приготовленія къ смотру, любопытный другъ вашъ поѣхалъ вчера на берегъ очень рано; теперь можете судить, какъ рано отправился онъ сегодня—на самый смотръ!

Утро 15-го Апрѣля было холодное, и прекрасное, какъ сердце красавицы Сѣвера, но небо свѣтло и чисто, какъ невинный взоръ ея!... Гребныя суда зашевелились на флотѣ вмѣстѣ съ заревою пушкою, а потому первые лучи восходящаго солнца играли уже на шпы-

---

муты (золото) и *левы* или піастры (серебро съ мѣдью и мѣдь съ съ серебромъ); отдѣленія сіи имѣютъ свои подраздѣленія, какъ-то: полъ-махмуша, четвертъ-махмуша; полъ-лева, четвертъ-лева, и т. д. Есть также двойные левы, тройные, и проч. Махмушъ стоитъ 10 рублей, слѣдственно полъ-махмуша 5 и т. д. Одинъ левъ стоитъ 25 копѣекъ, слѣдственно полълева $12\frac{1}{2}$ коп. и т. д. Сверхъ всего этого есть такія серебряныя деньги, которыя отъ дуновенія могутъ летать въ воздухѣ; это суть *пары* или *пари*, основныя единицы Турецкой монеты. Въ одномъ левѣ, напримѣръ, ихъ считается 40 и т. д. NB. Левъ или піастръ преимущественно называется Турками — *ерушъ*.

Digitized by Google

кахъ матросовъ нашихъ, строившихся на Азіятскомъ берегу по-баталіонно.

Ну, что это, друзья мои, за славный народъ Русскіе матросы! Вчера только вечеромъ кончили *тирсвку*—еще всѣ руки въ смолѣ—а сегодня надо любоваться на фронтъ ихъ!

Отъ самой пристани, устроенной противъ лагеря, простирается небольшая долина; горы и холмы, возвышающіеся по закраямъ ея, оброены палатками Русскими и Турецкими. На сей-то долинѣ было назначено быть первоначальному сбору всей нашей пѣхоты; артиллерія-же и Донская сотня, равно какъ и Турецкія войска, долженствовали прямо спуститься на мѣсто парада.

Часовъ около девяти, армейскіе полки сошли въ долину, пристроились къ нашимъ морскимъ баталіонамъ, въ густыхъ колоннахъ, лицомъ къ пристани, и получивъ приказаніе Главнокомандующаго (Генерала Муравьева), двинулись справа по отдѣленіямъ, правое плечо впередъ, по довольно хорошей дорогѣ, извивающейся вдоль берега.

Мѣстомъ парада была назначена долина Хункиляръ-Исиллеси, лежащая нѣсколько южнѣе, т. е. позади вышеупомянутой; но она гораздо обширнѣе и почти клиномъ сходитъ къ дру-

Digitized by Google

гой пристани, лежащей противъ самой Терапіи. Вѣковыя буковыя деревья, и грязный потокъ, стремящійся по дну долины, дѣлятъ ее на двое, оставляя способнымъ для маневровъ еще довольно значительное, углообразное пространство, соотвѣтственно коему и были выстроены войска, растянутымъ фронтомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ пристани по правую руку стояла Султанская гвардія, съ *блистательнымъ* хоромъ музыки (*); на лѣвомъ флангѣ, противъ нея лицомъ къ лицу, наши морскіе баталіоны, отъ коихъ далѣе влѣво продолжались полки пѣхотные и наконецъ егерскіе, что и составляло первую линію, сломленную подъ нѣкоторымъ угломъ; за нею, по другую сторону потока, простиралась вторая линія, состоявшая изъ артиллеріи и кавалеріи, именно-же: на правомъ флангѣ Турецкая артиллерія, потомъ наша, далѣе Турецкая кавалерія, и наконецъ наша Донская сотня.

Къ полдню начали собираться на мѣсто парада первѣйшіе сановники Турецкаго Двора,

---

(*) Надо замѣтить, что эта музыка, называемая Султанскою, доведена, можно сказать, до совершенства. И одежда музыкантовъ прекрасна.

Digitized by Google

какъ-то: Сераскиръ-Паша, Ахметъ-Паша, Капитанъ-Паша, Галиль-Паша, Топчи-Паша и множество другихъ, долженствовавшихъ составлять свиту Султана; однакожь, вообще говоря, можно замѣтить, что судя по необычайности событія—смотръ Русскому войску Турецкимъ Султаномъ — судя по приготовленію къ оному, которое дѣлало много шуму въ самомъ Константинополѣ, свита Махмуша не была ни многочисленна, ни блестяща. И какъ много обманываетесь вы, друзья мои, если воображаете себѣ нынѣшнихъ Турковъ, и въ особенности военныхъ, такими, какъ извѣстны они вамъ, пожалуй хотя изъ послѣднихъ печатныхъ книгъ!.... Теперь все принимаетъ иной видъ!... Чалмы замѣняются фесками (*); биниши казакинами и куртками съ стоячими воротниками, съ эполетами и погонами; шаравары брюками со шприпками и лампасами; ятаганъ и пистолеты, штыкомъ и сумою; даже головы многихъ правовѣрныхъ начинаютъ избѣгать острія

(*) *Фесъ*, или феска, есть, такъ сказать, красный суконный калпакъ, съ длинною синею кистью изъ Шамаханскаго шелка. Носятъ-же феску такимъ образомъ, чтобъ она закрывала половину ушей и лба, и притомъ имѣла форму цилиндра (кисть назадъ).

Digitized by Google

бритвы, а бороды — это нѣкогда священное украшеніе Мусульманъ, для упроченія неприкосновенности коего полагалась пяжкая пеня, соразмѣрно съ числомъ вырванныхъ волосовъ — эти самыя бороды видимо замѣняются одними усами!... Что-жь послѣ этого сказать вамъ о судьбѣ, такъ называемой, Восточной роскоши, въ вѣдомствѣ коей, какъ извѣстно, обстоитъ и Оттоманская Порта?.... Если когда нибудь роскошь *Востбчную*, считаемую за *исключительную* принадлежность Востока, и не льзя было назвать одною изъ безчисленныхъ безсмыслицъ, отпускаемыхъ скитающимися Франками на счетъ этой страны свѣта, то въ нашъ вѣкъ, вѣкъ реформъ и разувѣреній, давно пора вычеркнуть это слово изъ романическаго словаря Востока!...

Около двухъ часовъ по полудни, громъ орудій съ крѣпостей, лежащихъ вдоль пролива, съ нашего флагманскаго корабля (Память Евстафія), съ фрегатовъ Французскаго, Англійскаго и нашего (Штандарпъ), стоявшихъ на якоряхъ противъ Терапіи, возвѣстилъ объ отплытіи отсюда Его Султанскаго Величества.

Баталіоны смирно!... Баталіоны на плечо!...

Вскорѣ послѣ сего, десяти-весельный, весь вызолоченный каюкъ причалилъ къ внѣшнему

Digitized by Google

краю длинной деревянной пристани, по обѣимъ сторонамъ обставленной тѣсными рядами не парадировавшихъ офицеровъ, Русскихъ и Турецкихъ.

Султанъ, одѣтый въ куртку темно-вишневаго цвѣта, шитую золотомъ наподобіе гусарскаго шитья, съ богатѣйшею брилліантовою луною на груди, въ нешироких брюкахъ съ золотыми лампасами, въ фескѣ и съ золотою саблею, осыпанною дорогими каменьями, при помощи Ахмета-Паши, Сераскира и нѣкоторыхъ другихъ—привѣтствовавшихъ его приложеніемъ правой руки къ губамъ, а потомъ къ челу (*), и почти земными поклонами—ловко вышелъ изъ каюка, съ плутонгомъ своей гвардіи, и принялъ словесный и письменный рапортъ отъ Генерала Муравьева (оба на Турецкомъ языкѣ). Онъ прошелъ между вышеупомянутыми рядами офицеровъ, стоявшихъ въ это время съ открытыми головами (разумѣется исключая Турковъ), къ противоположному краю

(*) Это означаетъ у Турковъ тоже самое, что наше сниманіе шляпы, присѣданіе нашихъ дѣвицъ или приложеніе руки къ кокардѣ и къ киверу.

Digitized by Google

пристани, гдѣ съ помощію нарочно находящагося тутъ мраморнаго камня, тотчасъ-же сѣлъ на приготовленнаго заранѣе, огромнаго гнѣдаго Арабскаго коня. Золотая уздечка горѣла отъ блеска камней самоцвѣтныхъ; блисталъ и чапракъ, шитый жемчугомъ.

Въ эту-же минуту взлетѣли на коней всѣ, долженствовавшіе непосредственно слѣдовать за Султаномъ, и вмѣстѣ съ нимъ понеслись къ правому флангу войскъ, преслѣдуемые пестрою группою дамъ, прибывшихъ изъ Буюкдере, и длиннымъ рядомъ служащихъ и не служащихъ пѣхотинцевъ.

Баталіоны на карауль!....

Здорово, ребята!.... Здравія желаемъ, Ваше Султанское Величество!... Ура!... Ай-в-Алла!... Ай-в-Алла!... Ура!... Ура!... Барабаны шакъ и кипятъ!.. гремитъ музыкальный Турецкій маршъ!.. И все воздушное, межгорное пространство, вдругъ взволнованное шакою бурею звуковъ, наполнилось какимъ-то однимъ, необыкновеннымъ, безконечнымъ диссонансомъ!...

Съ большимъ вниманіемъ осмотрѣвъ Русское войско, и только мимоходомъ взглянувъ на свое, Его Величество остановился у одного края долины, почти напротивъ средины фронта, имѣя возлѣ себя по правую руку Генера-

Digitized by Google

ла Муравьева и Сераскира Пашу, а по лѣвую Ахмета-Пашу и нашего Посланника; остальная-же часть свиты и зрители составляли почтительный полукругъ. Въ это время войск, азашедши по-взводно на право, пошли церемоніяльнымъ маршемъ на взводныя дистанціи. Напередъ шла Турецкая гвардія (*), потомъ наша пѣхота, послѣ Турецкая артиллерія, и такъ далѣе, въ томъ порядкѣ, какъ я уже сказалъ выше.

Нѣтъ сомнѣнія, друзья мои, что и Преображенцы и Измайловцы нашего Великаго Петра, были ничѣмъ не лучше нынѣшней Султанской гвардіи; за всѣмъ тѣмъ, странно было видѣть въ парадѣ солдатъ, вовсе не выправленныхъ, въ полуразвалившихся туфляхъ на босую ногу, въ аммуниціи, хотя и Англійской или Французской работы, но вовсе не пригнанной; въ запачканныхъ мундирахъ (**), и даже частію съ

(*) Турки только равняясь съ Султаномъ брали подъ прикладъ, а впрочемъ во все время держали ружья подъ курокъ и вмѣстѣ правою рукою.

(**) Обыкновенная форма нынѣшнихъ Турецкихъ регулярныхъ войскъ состоитъ изъ фески, изъ суконной синей куртки (у офицеровъ изъ казакина) съ

Digitized by Google

заплатами не подъ цвѣтъ!.... И все это было тѣмъ болѣе примѣтно, что тутъ-же находилось *Русское войско!*.. Истинно любо было смотрѣть на нашихъ могучихъ солдатъ, какъ проходили они мимо Султана. Его Величество все время былъ очень веселъ, безпрестанно разговаривалъ и смѣялся съ окружающими его, разглаживая по временамъ свою небольшую, но окладистую и какъ смоль черную бороду, которая придаетъ большую выразительность его мужественной физіогноміи.

Во второй и послѣдній разъ войска прошли сомкнутыми колоннами; егеря бѣглымъ шагомъ, артиллерія рысью, а кавалерія въ галопъ.

Хотя вообще надобно замѣтить, что Турецкая кавалерія устроена лучше пѣхоты, но

краснымъ воротникомъ и съ такими-же обшлагами и отворотами (у гвардіи), изъ бѣлыхъ лѣтнихъ брюкъ или синихъ зимнихъ со шприпками, съ красными лампасами и безъ оныхъ. Эполеты еще только начинаютъ вводиться; на парадъ, о коемъ идетъ рѣчь, Сераскиръ-Паша въ первый разъ явился въ нихъ, но только сдѣланныхъ какъ-то очень странно. Капитанъ-Паша былъ въ настоящихъ Генеральскихъ эполетахъ.

Digitized by Google

и она не могла наблюсти равненія, въ особенности на всемъ карьерѣ, и въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ нашихъ Донцевъ, которые пронеслись по долинѣ быстрѣе молніи, быстрѣе мысли!... Этимъ собственно и заключился парадъ. Между тѣмъ войска, приходя на мѣста свои, снова выстраивались, и Султанъ, посмотрѣвъ бумажку, на которой Турецкими буквами написано было: *Спасибо ребята, хорошо!* съ этими словами снова поѣхалъ по фронту. То-же *ура!*... тотъ-же громъ музыки и «*Рады стараться*,' *Ваше Султанское Величество!*» попеременно потрясали ребра горъ!

Да! я забылъ вамъ сказать, что въ этой самой долинѣ, близъ берега находится старый Султанскій дворецъ, обращенный въ бумажную фабрику; сюда-то, окончательно объѣхавъ войска, Его Величество отправился со всею свитою, за коею послѣдовали и всѣ зрители (разумѣется не исключая и дамъ, хотя было довольно грязно). Вскорѣ небольшой четвероугольный дворъ этого дворца, или этой фабрики—захлебнулся народомъ, и конечно потому болѣе, что тутъ назначено было представленіе ординарцевъ. Выстроившись въ шеренгу, противъ кіоска, куда удалился Султанъ, ординарцы (въ томъ числѣ и отъ Турецкихъ полковъ) ожидали, когда Его Величество доку-

Digitized by Google

ришъ трубку и выйдетъ изъ кіоска, находящагося противъ самаго мѣста парада. Въ продолженіе этого времени, въ нѣкоторомъ разстояніи влѣво отъ дверей кіоска, Сераскиръ принималъ ординарцевъ, назначенныхъ собственно къ его особѣ, привѣтствуя нѣкоторыхъ словомъ: *здорово!...* на что разумѣется отвѣчаемо было: *Здравія желаю, Ваше Высокопревосходительство!...*

Когда Сераскиръ-Паша (*) кончилъ свое дѣло, тогда у самаго порога кіоска поставлены были обыкновенныя кресла (кажется краснаго дерева), и вскорѣ Султанъ, вышедъ изъ боковаго апартамента, сѣлъ на нихъ, изъявивъ желаніе принимать ординарцевъ, которые

(*) Мы столько разъ упоминали слово *Сераскиръ*, что необходимо объяснить значеніе его, ибо въ противномъ случаѣ можно принять его за собственное имя.

Вотъ названія чиновъ Турецкой арміи: *Садръ-Азамъ*, т. е. Верховный Визирь, Генералиссимусъ или Генералъ-Фельдмаршалъ.

Серъ-Аскиръ — полный Генералъ (непремѣнно 3-хъ бунчужный Паша).

Digitized by Google

и были представлены ему извѣстнымъ порядкомъ. Зашѣмъ Генералъ Муравьевъ представлялъ, поочередно, каждаго изъ подвѣдомыхъ ему сухопутныхъ Генераловъ и полковыхъ командировъ. Послѣ сего Султанъ, сказавъ что-то Ахмету-Пашѣ, всталъ съ кресель и снова удалился въ тотъ-же покой. Ахметъ-Паша приблизился къ ординарцамъ, сказалъ: *Спасибо ребя-*

Миръ-Миранъ — (тоже 3-хъ бунчужный Паша) Дивизіонный Генералъ; при немъ находящійся въ родѣ Адъютанта, *Каймакамъ*, есть Бригадный Генералъ.

Миръ-Аллай — командующій 5-ю баталіонами или однимъ полкомъ, то есть Полковникъ; при немъ въ родѣ Адъютанта находящійся, также *Каймакамъ*, есть Подполковникъ.

Билимъ-Баши, то есть баталіонный командиръ.

Колъ-Агасси — Маіоръ.

Юзъ-Баши — Капитанъ.

Каймакамъ (не состоящій-ли при комъ?) — Поручикъ.

Башъ-Чиошъ — фельдфебель.

Чиошъ — унтеръ-офицеръ.

Онъ-Баши — ефрейторъ.

Фети — рядовой.

Digitized by Google

та, хорошо! и велѣлъ разойдтись. Само собой разумѣется, что зрители не приняли этого на свой счетъ; они дождались, пока Султанъ сѣлъ на другую, прекрасно убранную, рыженькую лошадку, и отправился къ пристани, откуда тотъ-же каюкъ снова перевезъ его въ Терапію. Такъ кончился знаменитый парадъ сей, долженствующій со временемъ занять по строчкѣ въ Исторіяхъ Русской и Турецкой, и, по словамъ Генерала N. N., достойный быть описаннымъ и въ стихахъ и въ прозѣ. Виноватъ одинъ я, если изъ письма моего покажется онъ вамъ только *прозаическимъ*. Что дѣлать, друзья мои! *перо моряка столь-же упрямо и мало разнообразно, какъ море, какъ говоръ волнъ.* Въ дѣйствительности-же, смотръ сей, по истинѣ, представлялъ собою нѣчто весьма занимательное, до такой степени, что когда всѣ пошли на право къ пристани, а я на лѣво въ гору, чтобы въ тотъ-же день посѣтить развалины, о коихъ упоминалъ я въ началѣ письма сего, но не прежде какъ уже подошедши къ нимъ вплотъ, я могъ дать мыслямъ своимъ характеръ, соотвѣтственный предмету, и разрушилъ ту радужную оболочку, которою задернула ихъ живая и необыкновенная картина столь рѣдкаго смотра.

Скажите, друзья мои: случалось-ли вамъ посѣщать слѣды грознаго могущества времени —

Digitized by Google

развалины?... Если случалось, то въ жизни вашей были минуты, въ которыя вы достойно оцѣнивали все ничтожество суетъ нашихъ въ здѣшнемъ дольнемъ мірѣ, ибо взглядъ на развалины необходимо внушаетъ эти не отрадные, но возвышенные помыслы!...

Представьте себѣ на самомъ шемени горы, повелѣвающей довольно обширною бухтою, нѣсколько башенъ, *безъ пустоты, съ оболочкою*, такъ сказать слѣпленныхъ въ одну массу и окруженныхъ какими-то внѣшними пристройками, въ родѣ покрытаго пути, простирающагося далеко по угорью. Окрестъ груды глины, щебня и камнéй, разбросанныхъ въ страшномъ безпорядкѣ. Среди ихъ еще во многихъ мѣстахъ видны цѣлые зубцы, низверженные съ своихъ стѣнъ и башенъ, и плющъ — это печальное покрывало времени — толстымъ слоемъ увиваетъ и разрушенное и разрушающееся!... Цѣлыя деревья выросли въ трещинахъ стѣнъ.... цементъ произвелъ мхи!... И вотъ вамъ внѣшній видъ исполинскихъ развалинъ одного изъ отличнѣйшихъ Генуэзскихъ укрѣпленій!...

Низкія деревянныя ворота (однополовинчатыя), когда-то окованныя желѣзомъ, страшно заскрыпѣвъ на петляхъ своихъ, ввели меня въ жилище тлѣнія!.. Всюду развалины; но развалины громадныя! Въ самомъ разрушеніи кажут-

Digitized by Google

ся онѣ могущественнѣе щепетильныхъ зданій нашего времени!....

Первымъ желаніемъ моимъ было взобраться на верхъ одной изъ башенъ, въ чемъ и успѣлъ я, обнаживъ ноги, и кой-какъ приставивъ къ окну случившуюся тутъ деревянную лѣсенку. Въ 3 секунды достигшій до меня звукъ паденія камня, нарочно брошеннаго мною, показалъ, что отвѣсная высота стѣны была около 124-хъ футовъ.

Что укрѣпленіе сіе принадлежало Христіанамъ, въ этомъ удостовѣряетъ плита, съ изсѣченнымъ на оной крестомъ (соотвѣтственно четыремъ угламъ коего на этой-же плитѣ насѣчены буквы: *Д. П. М. С.*): она вмазана въ стѣну, подъ огромными дверями, ведшими въ церковь. Хотя двери сіи заложены, и церковное зданіе походитъ болѣе на башню съ бойницами, но не льзя сомнѣваться въ первоначальномъ назначеніи онаго. Вообще, глядя на слѣды стараній, съ которымъ какъ-бы нарочно хотѣли исковеркать основныя формы сего зданія, и на развалины мечетей, очевидно пристроенныхъ здѣсь гораздо позже, кажется убѣждаешься, что громадныя стѣны сіи не дешево достались поклонникамъ Ислама!.. Но кто разрѣшитъ загадку столѣтій? Кто пойметъ

Digitized by Google

языкъ времени, когда оно пишетъ свои тайныя рѣчи, плющемъ на развалинахъ и бѣлыми костями на кладбищахъ народныхъ?... Смертный, прежде нежели разгадаетъ грозный алфавитъ сей, поступитъ самъ въ число его буквъ (*)!...

Увлеченный примѣрами, я остреемъ сабли вырѣзалъ и мое Русское имя на одной изъ сихъ вѣковыхъ стѣнъ, безъ сомнѣнія свидѣтельницъ многихъ, дивныхъ событій минувшаго!... Глядя долго на эти башни, непомѣрно толстыя и высокія, на эти развалины жилищъ, на эти осташки водопроводовъ, изрѣзывающихъ гору по всѣмъ направленіямъ, на эти слѣды искуственныхъ дорогъ—я почувствовалъ грусть въ душѣ своей... Видишь, что было время, когда на холмахъ сихъ кипѣла жизнь и дѣятельность!... А теперь?... О Боже мой!... Неужели прахъ и забвеніе вѣнецъ всего земнаго?... Но, друзья мои, глаза смыкаются.... свѣча догараетъ.... засыпаю и *засыпаю*...

Н. Соковнинъ.

Корветъ Сизополь.
1833.

(*) См. Путеш. ко Св. мѣстамъ, Ч. II, стр. 100.

Digitized by Google

ЗАКЛЯТІЕ ЗЛАГО ДУХА (*).

Въ самомъ дѣлѣ, общее повѣрье было то, что Властитель Испаніи находится во власти Злаго духа и околдованъ злыми людьми. Толпа, всегда жадная соблазнительныхъ новостей, усердно схватила и передавала изъ устъ въ уста нелѣпую басню объ этомъ околдованіи, распущенную Духовникомъ Короля и Великимъ Инквизиторомъ. Обвиненіе въ безбожномъ умыслѣ падало на Королеву, Амиранте Кастильскаго и Графа Оропезу. Какъ ни глупо было это обвиненіе, по сущности своей, а еще болѣе по извѣстному всѣмъ несогласію трехъ обвиняемыхъ особъ, но скоро полу-

(*) Отрывокъ изъ Историческаго романа: L'Amirante de Castille, сочиненія Герцогини Абрантской. Этотъ романъ принадлежитъ къ числу превосходныхъ произведеній новѣйшей Французской Словесности. Описаніе слабоумія Карла II-го, Короля Испанскаго, и подробности заклинанія Злаго духа, на которое угово-

Digitized by Google

чило оно въ глазахъ народа характеръ ужасающей убѣдительности, до того, что самъ Король началъ вѣрить справедливости общаго слуха. Необыкновенная привязанность его къ Донъ Жуану сдѣлалась въ глазахъ невѣжества, и въ глазахъ самого Короля, лучшимъ доказательствомъ, что Донъ Жуанъ употребилъ для владычества надъ своимъ Государемъ богопротивныя средства, и что Король, не только состоитъ во временной власти злаго духа, но даже отдалъ ему добровольно душу свою на вѣки.

Если-бы кто нибудь изъ читателей удивился и не повѣрилъ всему, что мы теперь разсказываемъ, мы напомнимъ ему, что въ это самое время, по судебному слѣдствію, знаменитый побѣдитель при Шпейнкирхѣ и Нервиндѣ былъ заключенъ въ Бастилію, а Княгиня

рили несчастнаго Короля, замѣчательны, сколько по изящному ихъ достоинству, столько и по Исторической вѣрности. Сочинительница провела нѣсколько лѣтъ въ Испаніи и Португаліи съ мужемъ своимъ, бывшимъ Посломъ отъ Наполеона при Мадритскомъ и Лиссабонскомъ Дворахъ. Обращаемъ вниманіе Русскихъ переводчиковъ на передачу вполнѣ Русской публикѣ произведенія Герцогини Абрантской. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

де-Тингри, Графиня Суассонская, и много другихъ знатныхъ особъ, были подвергнуты суду— и за что-же? — За колдовство и отравленіе! Вспомните Президента Де-ла-Рейни; вспомните, что въ 1699 году, въ томъ самомъ, когда происходили въ Испаніи событія, нами изображаемыя, Дижонскій Парламентъ осудилъ на сожженіе Священника Сёрскаго прихода, *яко еретика и колдуна.*—И гдѣ-же совершались всѣ сіи странныя дѣла? — Во Франціи, и въ самую блестящую эпоху сего государства....

Партія *Инквизиторская* полагала, что она ничего не сдѣлаетъ рѣшительнаго, пока не заставитъ несчастнаго Карла II-го самого добровольно показать неоспоримыя свидѣтельства власти надъ нимъ Злаго духа. Для достиженія къ сему, надобно было заставить его сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ, какую приготовляли для народа. Великій Инквизиторъ Роккаберти, главный зачинщикъ всего умысла, дѣйствовавшій скрытно и невидимо, рѣшился достигнуть своей цѣли посредствомъ Кардинала Порто-Карреро.

Роккаберти, имѣвшій столь сильное, и впослѣдствіи столь несчастное вліяніе на дѣла, предшествовавшія кончинѣ Карла II-го, былъ человѣкъ самыхъ обыкновенныхъ дарованій; средства его были гораздо ограниченнѣе, нежели

Digitized by Google

предполагали другіе его сообщники. Даже не многіе изъ нихъ могли ужиться съ его характеромъ, всегда суровымъ и мрачнымъ, и съ его непріязненною недовѣрчивостью, заставлявшею его опасаться вражды и измѣны отъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Все это приписывали несчастіямъ, испытаннымъ Роккаберти въ теченіе жизни; напротивъ, причина заключалась въ сознаніи собственнаго своего ничтожества, особливо, когда Великій Инквизиторъ сравнивалъ съ собою превосходство дарованій двухъ знаменитыхъ враговъ своихъ— Амиранте и Оропезы, уваженія къ которымъ ничто не могло побѣдить въ душѣ Короля, даже и самое умственное его разстройство. Роккаберти былъ лукавъ, лицемѣренъ, какъ всѣ ничтожные люди, скрытенъ, въ ожиданіи минуты мщенія, когда могъ онъ съ яростію тигра броситься на свою добычу. Таковъ былъ человѣкъ, въ дьявольскомъ сердцѣ своемъ питавшій непримиримую ненависть къ Амиранте, Королевѣ и Президенту Кастильскому, потому, что имѣя власть надъ Королемъ, они старались о выгодахъ Австріи, когда Роккаберти былъ преданъ душею Французамъ. Гаркуръ, Посланникъ Людовика XIV-го, умѣлъ оцѣнить этого человѣка, и легко выигралъ его привязанность, ибо люди подобныхъ свойствъ всегда пристаютъ охотно къ партіи, болѣе

Digitized by Google

другихъ имъ обѣщающей. Гаркуръ, кромѣ умѣнья поладить съ характеромъ Роккаберши, обѣщалъ ему все. Скоро Франція пріобрѣла въ немъ не только приверженца, но даже человѣка душей и тѣломъ ей преданнаго и готоваго всѣмъ жертвовать для исполненія ея плановъ. Что̀бы ни говорилъ остроумный Торси, но у Роккаберши и Гаркура былъ опредѣленный планъ, по которому престолъ Испаніи, по кончинѣ бездѣтнаго Короля, долженствовалъ поступить во власть внука Людовика XIV-го.

Кардиналъ Порто-Карреро былъ добрый, но весьма глупый человѣкъ. Какъ всѣ ничтожные люди, онъ былъ чрезвычайно тщеславенъ. Роккаберши и Гаркуръ льстили его тщеславію, и онъ рабствовалъ имъ: довольно было сказать Кардиналу, что онъ совершенно походитъ на *великаго Хименеса*, и—Порто-Карреро назвался покорнымъ слугою *великаго Людовика*. Онъ любилъ Карла II-го, который также любилъ его, по своему, ибо въ основаніи онъ не любилъ ничего, кромѣ самого себя и мѣлкаго луку. Король называлъ Кардинала *отцомъ*, обнималъ его дружески, и позволялъ маленькой ручкѣ своей *Luisillo* прицѣпливать къ головѣ Кардинала ослиныя уши. Кардиналъ находилъ все это прекраснымъ, плакалъ отъ радости при ласкахъ

Digitized by Google

Короля и шуткахъ Королевы, и вѣрилъ всему, что только угодно было сказать кому нибудь на счетъ Короля. Вы видите, что если партія, дѣйствовавшая противъ Королевы и Донъ Жуана, не имѣла на своей сторонѣ справедливости, то и дарованія также были не на ея сторонѣ.

Мы сказали, что Великій Инквизиторъ уничтожался всравненіи съ Амиранте и Оропезою; его доставало однакожъ для руководства всѣми скрытными интригами противъ Австрійской и Баварской партій, которыя прежде всего надобно было разстроить, чтобы потомъ спокойно сѣлъ на престолъ Италіи *благословенный Король Филиппъ Пятый* (l'hermoso rey Filipe quinto). Вслѣдствіе сего, Роккаберти приложилъ всѣ старанія завлечь въ сѣти свои Кардинала Порто-Карреро, настоящую восковую статую, способную принять на себя какой угодно другимъ оттискъ. Слухъ объ околдованіи Короля подѣйствовалъ на него удивительнымъ образомъ. Кардиналъ повѣрилъ всему, что говорили ему объ этомъ, хотя человѣкъ немного поумнѣе легко могъ-бы разсмотрѣть, что Карлъ совсѣмъ не околдованъ, но просто слабоуменъ и боленъ. Одинъ разъ ступивъ на сію дорогу, Роккаберти пошелъ далѣе, и рѣшился говорить съ Карди-

Digitized by Google

наломъ объ изгнаніи Злаго духа торжественнымъ заклятіемъ. Но если Кардиналъ не смѣлъ противорѣчить увѣренію, что Злой духъ обладаетъ Королемъ, за то онъ слышать не хотѣлъ о заклятіи, утверждая, что Карлъ не перенесетъ сего страшнаго обряда. Совсѣмъ неожиданно встрѣтилось это противорѣчіе Роккаберти, и только послѣ многихъ и продолжительныхъ споровъ Кардинала убѣдили наконецъ поговорить съ Королемъ о необходимости заклятія.

Великій Инквизиторъ находился наединѣ съ Кардиналомъ въ его молельной, когда получилъ отъ него это обѣщаніе, столь важное для его плановъ. Наступалъ вечеръ; солнце садилось, и молельная, обитая дубовыми досками, по подобію Папской молельной, казалась мрачною отъ темноты, постепенно увеличивавшейся. Роккаберти зналъ слабодушіе Кардинала, и особенно то, до какой степени дѣйствовали на него вещественныя впечатлѣнія. Онъ сталъ предъ Распятіемъ, такъ, что послѣдній отблескъ сумерекъ, пробивавшійся сквозь окно, падалъ на него и вполнѣ выказывалъ высокій ростъ его. Закутанный въ черную мантію своего ордена, Роккаберти поднялъ руки къ изображенію Спасителя, и торжественно произнесъ:

Digitized by Google

«Во имя сего владыки владыкъ, заклинаю тебя, великій брашъ мой, исполнить долгъ христіанина и человѣка. Король долженъ быть обо всемъ предупрежденъ, и никѣмъ другимъ, кромѣ тебя.

— Пресвятая Владычица! — вскричалъ Кардиналъ, въ величайшемъ смущеніи — удостой вразумить меня, что̀ долженъ я дѣлать!

«Внимашь гласу Божію, глаголющему тебѣ моими грѣшными устами! Г-нъ Кардиналъ! вамъ извѣстна истина: если вы осмѣлитесь хранить молчаніе предъ Королемъ, вы будете сообщникомъ злыхъ колдуновъ, дерзнувшихъ....

— Довольно, довольно! — вскричалъ Кардиналъ. — Я сообщникъ этихъ злодѣевъ, великій Боже!... Завтра-же переговорю съ Королемъ. — О господинъ Архіепископъ Валенційскій! Я сообщникъ этихъ злодѣевъ? Какъ могли вы изречь подобныя слова! Охъ! позвольте мнѣ назвать это несправедливостью съ вашей стороны....

«Я, конечно, не думаю этого, но кто другой, кромѣ меня, не усомнился-бы въ вашей вѣрѣ, Г-нъ Кардиналъ? Для чего хотите вы еще откладывать? Для чего хотите вы говорить Королю только завтра?

Digitized by Google

— Мнѣ надобно собраться съ силами для обязанности столь важной. . . . И притомъ теперь уже такъ поздно.... А завтра, завтра.... Боже мой! но что-же будетъ изъ этого?

« Что будетъ? Предположимъ самое худшее. Дѣйствуйте смѣлѣе, и всего болѣе страшитесь, чтобы худо понимаемая жалость не приводила васъ въ заблужденіе. Король долженъ узнать отъ васъ имена своихъ злодѣевъ. . . .

— Я не назову никого. Кромѣ моего душевнаго убѣжденія въ истинѣ обвиненій, я ничего не знаю, ни видалъ, не имѣю никакихъ доказательствъ. Могу-ли послѣ сего возводить уголовное обвиненіе противъ кого-бы то ни было? И при томъ, къ чему послужатъ имена? Это вовсе безполезно.

« Безполезно! » насмѣшливо повторилъ Роккаберти. « Желалъ-бы я знать: на чемъ-же, Ваше Святѣйшество, благоволите основать необходимость закляпія злаго духа?

— На настоящемъ бѣдственномъ состояніи Короля.

« И вы думаете, что Король убѣдится въ необходимости закляпія по этой причинѣ?

— Если Король станетъ меня спрашивать —

Digitized by Google

возразилъ Кардиналъ, смѣшанный шѣмъ, что волю его стѣсняли въ такой сильной степени— если онъ станетъ спрашивать, я увижу, что мнѣ надобно будетъ дѣлать. Но до самой послѣдней крайности—я не обвиню никого!

«Ну, а Королева? Что объ ней скажете вы?

— Разумѣется, ничего не скажу—отвѣчалъ Кардиналъ, холодно, какъ никогда еще не говаривалъ онъ съ Инквизиторомъ, котораго боялся невольно. — Имя столь высокой особы не должно быть употребляемо всуе.

Инквизиторъ улыбнулся, и, казалось, не замѣтилъ косвеннаго намека объ его дерзости, что позволилъ себѣ Кардиналъ.

«И такъ, завтра непремѣнно будете вы говорить съ Королемъ?» спросилъ онъ.

— Обѣщаю вамъ, хотя съ великимъ прискорбіемъ... Но мои намѣренія чисты —Богъ видитъ мое сердце!

«Онъ да успокоитъ своею благостію Ваше Священство,» сказалъ Инквизиторъ, преклонясь предъ Кардиналомъ и сложивъ руки на груди своей. «Скоро наступитъ часъ вечерней молитвы—мнѣ надобно васъ оставить.»

— Прощайте, Г-нъ Архіепископъ Валенціи-

Digitized by Google

скій — отвѣчалъ Кардиналъ. Но онъ казался въ замѣшательствѣ, что-то хотѣлъ, но не смѣлъ говорить.

« Не имѣете-ли еще чего нибудь приказать мнѣ, Ваше Священство?» спросилъ его Инквизиторъ, взявшись за дверь, и насмѣшливо смотря на Кардинала.

— Послушайте — сказалъ ему Кардиналъ, послѣ долгаго молчанія—я желалъ-бы, чтобы и вы вмѣстѣ со мною были завтра у Короля... Объ этомъ предувѣдомлю я и духовника Королевскаго... Соединенные вмѣстѣ, мы будемъ имѣть болѣе силы и болѣе важности... Мой любезный Архіепископъ! прошу васъ сдѣлать для меня это одолженіе! —

Только этого и желалъ Великій Инквизиторъ.

Введенный Кардиналомъ во дворецъ, онъ могъ свободнѣе наблюдать за слабостію своего сообщника, а послѣ того одинъ шагъ надобно было сдѣлать, чтобы заступить его мѣсто. Безъ труда согласился Роккаберти сопровождать Кардинала во Дворецъ, и для того обѣщался, въ условленномъ мѣстѣ, въ восемь часовъ утра, на другой день ожидать его.

До насъ дошло много портретовъ Карла II-го, и самый похожій изъ нихъ находится въ замѣчательной картинѣ Клавдія Коелло, хра-

Digitized by Google

нимой въ ризницѣ Эскуріальской, и поставленной тамъ надъ алтаремъ. Картина эта изображаетъ событіе, случившееся задолго до того времени, когда страданія обезобразили черты Короля. Но и здѣсь онъ видѣнъ уже худой и блѣдный, хотя на лицѣ его нѣтъ еще свинцоваго цвѣта, и глаза его не помутились: два страшные признака холодной руки смерти, напечатлѣнные на несчастномъ Королѣ впослѣдствіи.

Когда Кардиналъ, Великій Инквизиторъ и Духовникъ вошли къ Королю, при немъ не было ни одного почетнаго прислужника, по причинѣ весьма ранняго утра. Простому придворному служителю Кардиналъ приказалъ доложить Королю о своемъ приходѣ.

Съ горестью извѣстилъ его этотъ служитель, что Король провелъ ужасную ночь. Припадки безумія были необыкновенно часты, и къ нимъ присоединялись обмороки и судороги, такъ, что можно было опасаться за жизнь бѣднаго страдальца.

Слушая разсказъ служителя, Роккаберти взглянулъ на Кардинала, который ничего не отвѣчалъ, но только со слезами поднялъ глаза свои къ небу. Кардиналъ былъ простъ и легковѣренъ, но онъ искренно любилъ несчастнаго своего Короля, и слышанное имъ растерзало его

Digitized by Google

душу. Инквизиторъ хотѣлъ воспользоваться этою минутою для возбужденія твердости духа въ Кардиналѣ; но дверь въ комнату, гдѣ находился Король, отворилась, и всѣ трое посѣтителей принуждены были идти туда, не успѣвъ обмѣнять ни одного слова другъ съ другомъ.

Карлъ смиренно стоялъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, на большой изъ чернаго бархата подушкѣ. Его утомленный видъ показывалъ чрезмѣрную его слабость. Онъ оканчивалъ свою утреннюю молитву, и лицо его сохраняло еще выраженіе благочестивыхъ впечатлѣній. Изъ широкихъ рукавовъ утренней одежды его, сшитой изъ шелковой темной пкани, съ золотыми цвѣточками, выставлялись двѣ изсохшія руки; въ одной, Король держалъ четки, по которымъ читалъ свои молитвы. Всегдашняя блѣдность лица его казалась теперь усиленною; изсохшія щеки его, горящіе, впалые глаза, и весь видъ его, такъ поразили Кардинала, что не только получилъ онъ вдругъ всю прежнюю бодрость, но почувствовалъ еще въ себѣ новыя силы для исполненія своей, какъ думалъ онъ, священной обязанности—спасти Короля.

Увидѣвъ Кардинала, Король улыбнулся; но мимолетная улыбка его исчезла при взглядѣ на Великаго Инквизитора, и холодною учтивостію

Digitized by Google

отвѣчалъ онъ на низкій поклонъ Роккаберти. Король протянулъ потомъ руку свою Кардиналу, все еще держа въ ней четки: ихъ привезъ Кардиналъ изъ Рима и подарилъ Королю.

— Вы видите, отецъ мой, какъ свято берегу я вашъ драгоцѣнный подарокъ. И знаете-ли вы, что я въ этомъ случаѣ я отдаю вамъ преимущество передъ самымъ Свяшѣйшимъ Отцомъ Папою?—Но, скажите, что̀ привело васъ ко мнѣ такъ рано, и — въ такомъ обществѣ? — Принужденная улыбка опять появилась на устахъ Короля; легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчалъ онъ на второй почтительный поклонъ Великаго Инквизитора.

Всѣ молчали. Духовникъ началъ говорить:

«Государь!» сказалъ онъ, съ выраженіемъ горячей преданности— «предметъ нашего прихода столь важенъ, что мы просимъ Ваше Величество обратить на него всевозможное ваше вниманіе.»

— Признаюсь, что я не въ состояніи заниматься теперь важными дѣлами— отвѣчалъ Король жалобнымъ голосомъ.—Но, если благо моихъ подданныхъ этого требуетъ... Однакожь, позвольте мнѣ прежде сѣсть на этомъ канапе... я такъ слабъ.... Дайте мнѣ вашу руку, отецъ

Digitized by Google

мой... Хорошо... шеперь говорите... Что̀ угодно вамъ?

Цѣлую ночь обдумывалъ Кардиналъ рѣчь свою. Привязанность его къ Королю дополнила недостатокъ ума и дарованій; довольно складно изъяснилъ онъ препоручение, взятое имъ на себя.

Сначала Король слушалъ его тихо и спокойно. Но когда, упомянувъ о щекотливомъ предметѣ своего прихода, Кардиналъ началъ говорить о волшебствѣ, о зломъ умыслѣ; сказалъ наконецъ Королю, что душа его находится въ опасности погибнуть на вѣки отъ дѣйствій Злаго духа, Карлъ показался встревоженнымъ. Вдругъ остановилъ онъ оратора, и твердымъ голосомъ спросилъ: кого почитаете вы, отецъ мой, производителями столь безбожнаго дѣла?

Кардиналъ не отвѣчалъ ничего, и потупилъ глаза. Король повторилъ вопросъ свой, съ выраженіемъ болѣе повелительнымъ.

— Вы понимаете, отецъ мой, что въ дѣлѣ столь важномъ, мнѣ надобно все знать, все совершенно. Говорите-же — я требую этого!

«Государь!» отвѣчалъ Кардиналъ — «если вы и узнаете виновниковъ злодѣйства, то подобныя свѣдѣнія только умножатъ скорбь вашу. Позвольте мнѣ сохранить молчаніе.

Digitized by Google

— Но для чего—вскричалъ Духовникъ — для чего скрывать отъ Его Величества имена тѣхъ, кого вся Испанія именуетъ виновниками богомерзскаго дѣла, скрывать имена двухъ людей, уже означенныхъ въ глазахъ каждаго Испанца знаменіемъ позора? Государь! два злодѣя ваши и сообщники дьявола—*Амиранте Кастильскій* и *Графъ Оропеза!* И если надобно все сказать...

Тутъ Великій Инвизиторъ, въ свой чередъ, прервалъ рѣчь Духовника. Онъ размыслилъ, что погубить Королеву была другая дорога, болѣе вѣрная, между тѣмъ, какъ имя ея, вмѣшанное въ обвиненіе столь дерзкое, могло совершенно уничтожить весь замыселъ. Потому спѣшилъ онъ вмѣшаться въ разговоръ, остановилъ Фройлана Діаза, Духовника Королевскаго, началъ продолжительную рѣчь, и темнотою и высокопарностью словъ хотѣлъ, повидимому, защитить обвиняемыхъ, такъ однакожъ, что умъ Короля совершенно потерялся, потрясенный уже и тѣмъ однимъ, что говорили ему Кардиналъ и Духовникъ.

Карлъ помертвѣлъ, едва только произнесено было имя Амиранте. Погруженный послѣ сего въ глубочайшую задумчивость, онъ не обращалъ вниманія на запутанную рѣчь Инквизитора, и долго оставался въ молчаніи, кото-

Digitized by Google

раго не осмѣливался прервать ни одинъ изъ окружавшихъ его.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ наконецъ—Донъ Жуанъ не можетъ быть злодѣемъ моимъ.... Я за него отвѣчаю. Обвиняйте его въ вѣтренности... въ томъ, что онъ не вполнѣ изъявляетъ должное почтеніе къ обрядамъ нашей святой Церкви — но, безбожникъ, но злодѣй, но сообщникъ дьявола... Нѣтъ! Донъ Жуанъ не таковъ, и—я ручаюсь вамъ за него, господа!

Съ такою силою проговорилъ Король послѣднія слова, и они такъ противорѣчили его обыкновенной слабости, что самъ Роккаберти не зналъ, чѣмъ опровергнуть защищеніе Амиранте, и что̀ сказать.

— Не говорите мнѣ ничего и о Графѣ Оропезѣ—продолжалъ Король — я и за него ручаюсь вамъ. Этотъ бѣдный *Мануэлито* злодѣй!... Вѣдь ты его именовалъ, Фройланъ Діазъ? Не правда-ли, его?

« Да, Государь, его, и въ этомъ отношеніи могу сказать Вашему Величеству...

— Довольно! Замолчите! — вскричалъ Король вспыльчиво.

Онъ упалъ на свое канапе, и, казалось, былъ погруженъ въ странныя, одна другой проти-

Digitized by Google

ворѣчащія мысли. Онъ дрожалъ, едва могъ дышать. Вдругъ поднялся онъ, и, не смотря на свою слабость, началъ ходить по комнатѣ скорыми шагами. Кардиналъ хотѣлъ поддержать его; онъ оттолкнулъ Кардинала съ необыкновенною силою. Несвязныя слова вылетали изъ устъ Карла. Лицо его было блѣдно, какъ лицо привидѣнія, вставшаго изъ гроба. Все предвѣщало одинъ изъ самыхъ жестокихъ припадковъ сумасшествія.

— Да! — бормоталъ онъ—я причисленъ Господомъ къ тѣмъ владыкамъ, о которыхъ говоритъ Священное Писаніе.... Богъ отвратилъ отъ меня лицо свое.... Онъ отвергъ меня.... А что такое учинилъ я? Какое зло, кому?... Нѣтъ, нѣтъ! Я грѣшникъ, но не злой человѣкъ!

И проведя изсохшую руку свою по лбу, покрытому холоднымъ потомъ —

« Такое-ли чело, » воскликнулъ онъ, « надобно было, чтобы удержать тяжесть столькихъ знаменитыхъ коронъ, переданныхъ мнѣ моими великими предками! »

Онъ началъ считать по пальцамъ, именуя области и Королевства, подвластныя ему. Странно было слышать громкія имена областей и государствъ, и видѣть въ тоже время

Digitized by Google

изсохшую руку скелета, который считалъ ихъ по пальцамъ. Взоръ Короля упалъ на его руку. Онъ горько улыбнулся.

— Вы правы! — сказалъ печально страдалецъ. —Пора думать о духовной; не этой рукѣ носить скипетръ.... Но чьей-же? Кому-же? — Посмотримъ: одинъ, два, три, четыре.... Да, у меня четыре наслѣдника!

Онъ засмѣялся.

— Какъ они ошибутся, эти наслѣдники!... Ихъ четыре, а наслѣдство одно, хоть и состоитъ изъ сотни Королевствъ! — Оставьте меня, оставьте меня!— закричалъ Король, стараясь освободить руку свою изъ рукъ Кардинала, который схватилъ ее и цѣловалъ со слезами, чувствуя, что она холодна, какъ рука мертвеца.

— Оставьте меня! Къ чему всѣ эти притворные знаки любви и преданности: я знаю, что вы меня презираете. О! я всѣхъ васъ хорошо знаю—я еще не такъ глупъ, какъ вы думаете....—Громкій и дикій смѣхъ сопровождалъ сіи слова. Голосъ Короля ослабѣлъ послѣ того; онъ все еще говорилъ, но ничего невозможно было понять изъ словъ его. Вдругъ поднялъ онъ голову; глаза его, казалось, выкатывались изъ своихъ мѣстъ. Съ ужасомъ обра-

Digitized by Google

тился взоръ его на картину, висѣвшую на противоположной стѣнѣ.

Ужасна была эта картина. Тутъ, на площади, гдѣ окружные домы были разубраны, какъ будто въ день какого нибудь большаго праздника, возвышался обширный амфитеатръ. На одной сторонѣ его видно было собраніе судей; передъ нимъ предстояла толпа людей, всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, и всѣ они были одѣты въ Инквизиціонныя *санъ-бенито*, съ *коразами* на головахъ. Подлѣ сихъ несчастныхъ находились двѣ желѣзныя клѣтки, куда должно было посадить ихъ и запереть, послѣ обрѣченія на ужасную смерть. Огонь готовъ былъ запылать подъ клѣтками. Многіе изъ осужденныхъ, исперзанные пытками, по видимому, не могли удерживать болѣзненныхъ стенаній: рты у нихъ были завязаны. . . . Впереди видны были четыре небольшіе гроба, и подлѣ каждаго стоялъ деревянный истуканъ, въ позорной одеждѣ: изображенія несчастныхъ, смертію избавленныхъ отъ казни; въ гробахъ лежали кости ихъ; неумолимое судилище не хотѣло отдать даже и костей мирной могилѣ; ничто не спасало отъ мести его преступника, и рука его вырывала свою добычу даже изъ подъ гробоваго покрывала. Во глубинѣ картины видѣнъ былъ тронъ, на которомъ сидѣли Король и Королева: она была молода и щегольски одѣта;

Digitized by Google

онъ казался счастливымъ и веселымъ, и отрицательнымъ мановеніемъ руки отвѣчалъ онъ на вопли жертвъ, испрашивавшихъ у него помилованія.—И все это: Король, и судьи, и зрители — были христіане, осуждавшіе своихъ собратій, христіанъ, на казнь, какую самые свирѣпые дикари опредѣляютъ только врагамъ своимъ....

Картина, о которой мы говоримъ, донынѣ сохраненная въ Мадритскомъ Дворцѣ, въ точности представляла знаменитое *аутодафе*, совершенное въ 1680 году, на Главной площади (Plaza mayor) въ Мадритѣ.

Двадцать лѣтъ протекло съ сего ужаснаго дня, и костры Инквизиціи не были зажигаемы во все это время. Страшное судилище дремало. Не хотѣло-ли оно возжечь ихъ вдругъ, съ новою силою, такъ, чтобы трепетъ проникъ въ каждаго, непослушнаго свирѣпой его волѣ? Можетъ быть, эта мысль взволновала воображеніе Карла, не смотря на его слабоуміе. Но когда устремилъ онъ горящіе глаза свои на картину—памятникъ гибельной его слабости—ужасное дѣйствіе, ею произведенное, показывало, что взглядъ на нее возбуждалъ въ душѣ Короля не одно только горестное воспоминаніе.

Сложивъ руки крестомъ на груди своей, съ

Digitized by Google

мрачнымъ видомъ приблизился онъ къ каршинѣ, съ немилосердою вѣрностью изображавшей отвратительную сцену послѣдняго аутодафе. Что̀ пришло ему въ голову?

— Луиза, моя добрая Луиза — бормоталъ Карлъ сквозь зубы—ты просила имъ пощады— я велѣлъ тебѣ замолчать, и послушался этихъ демоновъ—и теперь, они осуждаютъ меня передъ престоломъ Бога, теперь, когда близится и мой часъ предстать тамъ, передъ судію грознаго — и что буду я отвѣчать! Ахъ, Луиза!

Судорожный трепетъ объялъ его — глаза его не могли закрыться, какъ будто тайная сила удерживала ихъ, являя предъ нимъ жертвы, вопіющія о мщеніи передъ судіею неумолимымъ.... Зубы его стучали, какъ будто въ лихорадкѣ; съ усиліемъ закрылъ онъ наконецъ глаза свои; голова его невольно наклонилась и ударилась объ раму каршины.

Ничего не смѣли говорить во все это время ни Кардиналъ, ни Инквизиторъ. Видя, что бѣдный безумецъ становится спокойнѣе, Кардиналъ хотѣлъ къ нему приблизиться; но Королевскій служитель, прибѣжавшій при первыхъ воплякъ Короля, остановилъ Кардинала, говоря, что всегда такъ оканчиваются при-

Digitized by Google

падки безумія Карлова. — Обыкновенно онъ засыпаетъ, или проводитъ нѣсколько минутъ въ сонномъ безчувствіи—продолжалъ служитель— и потомъ вдругъ открываетъ глаза, и уже ничего не помнитъ, что̀ съ нимъ было.

Кардиналъ не могъ скрыть своей горести.

«Но, давно-ли эта картина находится въ комнатѣ Его Величества?» спросилъ онъ. «Никогда прежде я не видывалъ ее здѣсь.»

— Съ вчерашняго дня, Ваше Священство. Его Величество самъ приказалъ, чтобы ее взяли изъ маленькой галлереи, перенесли сюда, и поставили прямо противъ его канапе. Вы изволили находиться при этомъ, отецъ Духовникъ—примолвилъ служитель, обращаясь къ Фройлану Діазу.

Кардиналъ сердито взглянулъ на Духовника.

«Что̀ значитъ такое ваше поведеніе, Фройланъ Діазъ? Какъ можно, при бѣдственномъ состояніи, въ какомъ находится Король, позволить ему подобный поступокъ, отъ котораго послѣдствія могутъ быть еще ужаснѣе того, что мы сей часъ видѣли?

Духовникъ потупилъ глаза. Что̀ могъ онъ отвѣчать на слова Кардинала? Ничего, ибо

Digitized by Google

перенесеніе картины было сдѣлано, не только въ его присутствіи, но даже по его приказанію. Впрочемъ, онъ самъ получилъ приказаніе отъ Великаго Инквизитора, своего непосредственнаго начальника.

«Говорите-же: чѣмъ вы оправдаетесь?» продолжалъ Кардиналъ. — Но Король вздрогнулъ въ эту минуту, и все вниманіе стараго Прелата обратилось къ его несчастному повелителю. Выходя изъ полу-сна, въ которомъ утомленное тѣло возобновило немного свои истощенныя силы, Карлъ медленно поднялъ свою голову. Онъ раскрылъ глаза, и мутнымъ взоромъ обвелъ все его окружавшее. Приложивъ потомъ руки къ своему лбу, крѣпко сжалъ онъ ими голову, какъ будто стараясь собрать свои безпорядочныя идеи. Наконецъ онъ подалъ руку Кардиналу; опираясь на него, подошелъ къ канапе, и упалъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Все видѣнное теперь Кардиналомъ, присоединясь къ тому, въ чемъ увѣрился онъ прежде, столь сильно укоренило въ немъ мысль объ околдованіи Короля, что на сей разъ не надобно ему было никакого пособія со стороны Великаго Инквизитора. Онъ твердо рѣшился: убѣдить Карла подвергнуться обряду закляшія,

Digitized by Google

и съ этимъ намѣреніемъ немедленно началъ, отъ искренняго сердца, уговаривать Короля. Онъ говорилъ съ жаромъ и убѣдительно. Но какъ ни остороженъ былъ онъ въ рѣчахъ своихъ, Король дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ его словъ. Кардиналъ хотѣлъ поддержать его.

— Ничего, ничего — сказалъ Король, ласково улыбаясь—но это ужасное слово: *заклятіе*— этотъ страшный обрядъ.... О мой Богъ, мой Спаситель! или я совершенно уже оставленъ тобою!

Опустивъ голову на грудь своего стараго друга, несчастный заплакалъ, какъ дитя.

Кардиналъ воспользовался этою минутою умиленія для окончанія своей тягостной обязанности. Самыми яркими красками изобразилъ онъ Королю настоящее его состояніе, и представилъ ему все въ ужасномъ видѣ, чтобы тѣмъ болѣе убѣдить страдальца всячески избавиться отъ своего бѣдствія, временнаго и вѣчнаго. Онъ былъ краснорѣчивъ, говоря по убѣжденію душевному. Онъ плакалъ, цѣлуя руки своего повелителя, омочалъ ихъ слезами и прижималъ къ своему сердцу. Король не могъ ему противиться: онъ, столь-же, какъ Кардиналъ, суевѣрный, рѣшительно увѣрился, что его безуміе есть свидѣтельство обладанія

Digitized by Google

Злаго духа. Онъ обѣщалъ быть покорнымъ, и далъ свое совершенное согласіе на исполненіе обряда заклятія.

— Но я не хочу, чтобы это происходило въ Мадритѣ. Мы поѣдемъ въ Санъ-Лорензо. Кто совершитъ обрядъ?

«Отецъ Фройланъ Діазъ, Государь. Онъ приготовится къ сему торжественному дѣйствію, какъ повелѣваютъ уставы Святѣйшихъ владыкъ Римскихъ, постомъ и молитвою.

— Да будетъ во всемъ воля Божія!—отвѣчалъ несчастный Король, тяжело вздыхая. Потомъ опустилъ онъ руки; крѣпко сжалъ ихъ на колѣняхъ своихъ; голова его поникла на грудь; глаза полузакрылись; слѣдовало продолжительное молчаніе.

—Отецъ мой!—сказалъ онъ потомъ Кардиналу, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ—мнѣ кажется, надобно однакожъ увѣдомить объ этомъ Королеву. Признаюсь: я опасаюсь противорѣчій съ ея стороны. Какъ вы думаете? Если она не согласится?

«Удостоите-ли меня, Ваше Величество, небольшою довѣренностію, для окончанія нашего дѣла, внушеннаго самимъ Богомъ? Я отправлюсь прямо къ Ея Величеству, и напередъ

Digitized by Google

льщу себя увѣренностью, что Королева благоволитъ согласиться на предполагаемую нами мѣру, ибо все клонится при семъ случаѣ къ одному—облегчить страданія ваши въ здѣшнемъ мірѣ и утвердить блаженство ваше въ вѣкѣ будущемъ.

Карлъ съ радостію на все согласился. Онъ искренно любилъ вторую супругу свою, Королеву Марію, но боялся ея, и, предвидя теперь сопротивленіе съ ея стороны, почиталъ себя весьма счастливымъ, избѣгнувъ личнаго съ нею объясненія. «Я не скрою однакожь отъ васъ, отецъ мой,» сказалъ онъ, «что едвали рѣшусь безъ нея ѣхать въ Эскуріалъ.»

Кардиналъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Короля, но не сказалъ ни одного слова.

— Еще-ли не хотите вы мнѣ вѣрить — промолвилъ Инквизиторъ, выходя съ Кардиналомъ изъ Королевской комнаты—еще-ли не видите вы, что *она* виновна не менѣе другихъ: власть ея надъ Королемъ есть истинное демонское обаяніе.

Вышедъ отъ Короля, Кардиналъ направилъ путь къ маленькой отдаленной двери, сдѣлан-

Digitized by Google

ной изъ гебеноваго дерева: этою дверью запросто входили въ дворцовое отдѣленіе Королевы, но только избранные ею люди. Кардиналу предоставлена была сія честь послѣ насмѣшливаго замѣчанія Амиранте, что «никогда не должно оскорблять глупыхъ людей, отказывая имъ въ бездѣлкахъ.»

Но Кардиналъ рѣдко пользовался отличіемъ, ему предоставленнымъ; онъ не одобрялъ подобныхъ нарушеній придворнаго этикета. Подобно всѣмъ ограниченнымъ людямъ, онъ видѣлъ важное дѣло во всякомъ малѣйшемъ отступленіи отъ установленнаго обряда и приличія дворскаго. Болѣе или менѣе накрахмаленная *гофма*, маленькое уменьшеніе или увеличеніе фижмы на какой нибудь придворной дамѣ, болѣе или менѣе низкій поклонъ царедворца — все это на цѣлую недѣлю занимало вниманіе Кардинала и людей, ему подобныхъ. Кромѣ того онъ терпѣть не могъ, что приставницею къ тайнымъ дверямъ отдѣленія Королевы была некрещеная Арапка: она извѣщала Королеву о посѣтителяхъ, проходившихъ черезъ эту дверь.

— Пресвятая Дѣва!—думалъ Кардиналъ, садясь въ креслы въ небольшой передней комнатѣ, пока Арапка пошла докладывать о немъ Королевѣ—какіе странные обычаи! Какія пере-

Digitized by Google

мѣны въ важнѣйшихъ придворныхъ обрядахъ! Можно-ли Испанской Королевѣ такъ мало уважать приличіями! Я—Кардиналъ, столь значительная духовная особа въ государствѣ, иду съ препорученіями отъ Его Величества Короля, и—прохожу черезъ маленькую скрытную дверь, какъ будто любовникъ на тайное свиданіе.... И обо мнѣ докладываетъ это проклятое черное созданіе, на которое надобно-бы надѣть сѣрную рубашку, и сжечь его потомъ въ этой рубашкѣ во славу Богу.... А она, дочь сатаны, одѣта, какъ знатная дама, и заступаетъ мѣсто, которое слѣдовало-бы отдать дочери какого нибудь знаменитаго Гранда Испаніи.

Въ то самое время, когда Королевѣ доложили о приходѣ Кардинала, у нея находились вмѣстѣ Оропеза и Амиранте. Они призваны были выслушать рѣшительное согласіе Королевы на свадьбу Амиранте съ Донною Антоніею, дочерью Оропезы. Три недѣли прошло послѣ перваго извѣщенія Королевы объ этой свадьбѣ, но Королева еще ничего не сказала имъ рѣшительнаго.

При первомъ извѣстіи объ этомъ неожиданномъ союзѣ, долженствовавшемъ примирить двухъ смертельныхъ враговъ, и соединить ихъ выгоды въ пользу Австрійской

Digitized by Google

партіи, въ пылу гнѣва Королева изъявила согласіе; но тѣмъ сильнѣе возстала она потомъ противъ всякаго предложенія о свадьбѣ Амиранте и Антоніи. Она забыла всѣ политическія отношенія, всѣ интриги Двора, всѣ хитрости Іезуита Сіенфуэгоса, управлявшаго интригами. Одно оставалось неизмѣнно въ душѣ Маріи: *любовь къ Донъ Жуану, ненависть къ Антоніи;* она любила *его*, какъ только женщина можетъ любить, ненавидѣла *ее*, какъ только женщина можетъ ненавидѣть. Королева отказалась отъ своего согласія, не слушала никакихъ увѣщаній; говорила, что не хочетъ видѣть супругою Амиранте бездушной куклы, и что онъ можетъ всего опасаться отъ ея мщенія, если осмѣлится упорствовать въ своемъ намѣреніи.

Проклиная женскія прихоти, Сіенфуэгосъ почтительно увѣрилъ Королеву, что она совершенно права, и тѣмъ болѣе, что заключая бракъ съ дочерью врага, изъ одного пламеннаго усердія къ пользамъ государства, Амиранте будетъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Но Сіенфуэгосъ спѣшилъ къ Графу Оропезѣ, и вмѣстѣ начали думать они: чѣмъ можно было побѣдить такое неожиданное препятствіе въ планахъ, столь хорошо устроенныхъ?

Сіенфуэгосъ былъ хитрый, ловкій человѣкъ;

Digitized by Google

но одинъ важный недостатокъ препятствовалъ ему сдѣлаться настоящимъ политическимъ дѣйствователемъ: онъ излишне увлекался пылкостью своихъ впечатлѣній, и былъ неумѣренъ въ страстяхъ, имъ обладавшихъ. Такое свойство могло годиться для чувства ненависти, но было вовсе некстати при всякомъ другомъ дѣлѣ, ибо страсть лишаетъ человѣка холоднаго разсудка, необходимаго въ политикѣ. Сіенфуэгосъ писалъ къ Эрцъ-Герцогу Австрійскому такую пламенную преданность, что не въ состояніи былъ ни пощадить для него, кого-бы то ни было, ни хладнокровно разсуждать объ его выгодахъ. Онъ видѣлъ только одну отдаленную свою цѣль, стремился къ ней, жертвовалъ для нея всѣмъ, и всего скорѣе могъ проиграть, нежели выиграть.

Главное препятствіе къ возведенію Эрцъ-Герцога Австрійскаго на престолъ Испанскій послѣ смерти несчастнаго Карла II-го, заключалось въ правахъ на Испанію Принца Баварскаго. Этотъ юный Принцъ былъ законный, и притомъ достойный наслѣдникъ ста коронъ Испанскихъ, хотя ему было еще не болѣе пяти лѣтъ. Но, не его собственно боялся хитрый Іезуитъ: Принцъ находился въ Минхенѣ, а Минхенъ былъ далеко отъ Мадрита. Это значило не мало, особливо при такомъ чело-

Digitized by Google

вѣкѣ, каковъ Карлъ II-й, и прежде сумасшествія своего всегда покорный тому, что его окружало. Но близъ Карла былъ Графъ Оропеза: онъ твердо стоялъ за права Баварскаго Принца. Надобно было уничтожить эту сильную опору Баваріи. Любовь Амиранше къ Антоніи, потомъ неожиданная побѣда любви къ дочери надъ ненавистью къ отцу, показались Іезуиту неожиданною, небесною помощью. Надобно было усилить гоненіе и ненависть народную къ Оропезѣ, чтобы склонить его на предложеніе Донъ Жуана. Сіенфуэгосъ работалъ неутомимо, и имѣлъ наконецъ удовольствіе—увидѣть горделиваго Оропезу прибѣгнувшимъ къ его помощи. Соперники обманывали другъ друга, но заключили условіе: Оропеза отказался отъ Баваріи; Іезуитъ обѣщалъ ему помощь Амиранше и милость Австрійскаго Императора. Оставалось для общихъ выгодъ побѣдить неожиданное упрямство Королевы.

Для этого употребили стараго Герцога Монтелеоне. Тайный повѣренный между Амиранше и Королевою, онъ ежеминутно трепеталъ за то, чѣмъ должна кончиться эта пагубная связь. Выгоды Королевы требовали между тѣмъ рѣшительныхъ мѣръ въ пользу Австріи. Опасное положеніе Короля; мысль, что Амиранше жертвуетъ для спокойствія и блага Королевы

Digitized by Google

собою; опасность, что тайный слухъ въ народѣ и интрига придворныхъ могутъ наконецъ довести до свѣдѣнія Карла извѣстіе о томъ, что до сихъ поръ едва могли скрывать отъ непримиримыхъ враговъ Королевы и Амиранше — все это убѣдило Королеву. Она рѣшилась согласиться, такъ-же скоро, какъ прежде рѣшилась противиться браку Амиранше и Антоніи. Немедленно послѣ сего велѣно было явиться къ ней Оропезѣ и Амиранше. Королева лично изъявила свое согласіе. Скрывая внутреннее волненіе, шутливо говорила она объ этикетѣ и обрядахъ предполагаемой свадьбы. Въ это время Арапка доложила ей о приходѣ Кардинала.

— Такъ рано? — сказала Королева въ недоумѣніи. — И зачѣмъ могъ-бы онъ ко мнѣ явиться? Какъ вы думаете, Донъ Жуанъ: принять-ли мнѣ его?

«Безъ всякаго сомнѣнія, Государыня. Всегда надобно принимать дурака, если отъ него надѣетесь узнать что нибудь новое. Не правда-ли, Донъ Мануэль?

— Разумѣется. Я думаю однакожь, что посѣщеніе Кардинала будетъ любопытнѣе по новостямъ для него самого, нежели для насъ. Онъ узнаетъ здѣсь двѣ весьма важ-

Digitized by Google

ныя новости, и, конечно, все, что отъ него услышимъ мы, не будетъ столь неожиданно.

«Какія-же эти двѣ неожиданныя новости, любезный Графъ?» спросила Королева, съ величайшею ласковостью. «Мнѣ кажется, Кардиналъ узнаетъ только одну новость: согласіе мое на свадьбу вашей дочери; правду сказать —эта одна стоитъ многихъ.

— Хотя предметъ другой новости исполняетъ радостью мое сердце— отвѣчалъ Президентъ Кастильскій, низко кланяясь Королевѣ —но могу-ли не подумать съ грустью о томъ, что Кардиналъ изумится, видя меня удостоеннаго высокимъ благоволеніемъ вашимъ, чего столь долгое время былъ я лишенъ отъ Вашего Величества.

«Правда, правда. Но знаете-ли, любезный Графъ, что я никогда не подозрѣвала въ васъ столько любезности? Я сомнѣвалась въ ней, потому, что никогда не слыхивала отъ васъ ни одного ласковаго слова.... И что притомъ говорили мнѣ о васъ другіе люди.... Боже мой! Донъ Жуанъ, къ чему такой сердитый взглядъ! Донъ Мануэль очень хорошо знаетъ, что я его не могла любить, и что вы не могли мнѣ говорить о немъ ничего добраго. Онъ также хорошо знаетъ, что теперь мы видимъ въ немъ лучшаго изъ друзей нашихъ.

Digitized by Google

Королева протянула руку; Оропеза почтительно поцѣловалъ ее. «Абулайна!» сказала Королева, обращаясь къ Арапкѣ: «ты можешь просишь ко мнѣ Его Священство.»

Абулайна нашла Кардинала погруженнымъ въ глубокія размышленія. Онъ думалъ о томъ: идти-ли ему къ Королевѣ, или ворошиться, не видавши ея? Причиною такого замѣшательства и недоразумѣнія было то, что онъ распозналъ въ комнатѣ Королевы голоса Сіенфуэгоса и Донъ Жуана. Это уничтожало въ немъ всю бодрость. Онъ готовъ былъ ворошиться къ Королю, и просить его призвать къ себѣ Королеву для важныхъ совѣщаній. Онъ трепеталъ, вообразивъ, что безъ помощи Короля и своихъ товарищей, долженъ будетъ встрѣтиться съ сильными своими непріятелями. Но послѣ минутной остановки, Кардиналъ увидѣлъ всю нелѣпость подобной перемѣны въ планѣ, предварительно обдуманномъ. Молча всталъ онъ съ креселъ, на которыхъ сидѣлъ, и слѣдуя за своею проводницею пошелъ къ комнатѣ Королевы, не обращая вниманія на прелестную картину, какую представляла Абулайна, стоя передъ нимъ въ своемъ живописномъ Мавританскомъ нарядѣ, одною рукою поднимая драгоцѣнный коверъ, а другою отворяя дверь. Но взглядъ на людей, бывшихъ съ Королевою, за-

Digitized by Google

нялъ все вниманіе Кардинала и совершенно изумилъ его.

Видѣть Амиранте, хотя и въ такое время, въ комнатѣ Королевы, не казалось необыкновеннымъ; по крайней мѣрѣ, Кардиналъ зналъ столько изъ тайны Королевиной, что встрѣча съ Амиранте не могла удивить его. Но что тутъ-же находился Президентъ Кастильскій, и что, по видимому, Королева и любимецъ ея обходились съ нимъ какъ съ другомъ — это совершенно сбило съ толку всѣ идеи и понятія стараго Прелата.

Видя физіогномію Кардинала, невольно изъявлявшую удивленіе, Марія захохотала и встрѣтила Кардинала громкимъ смѣхомъ.

«Всегда рада я видѣть васъ, господинъ Кардиналъ,» сказала потомъ Королева, «но никогда не могли вы придти такъ кстати, какъ теперь. Вы можете узнать вовсе неожиданную для васъ новость, и ей, конечно, порадуются всѣ, кто любитъ моего супруга и желаетъ ему добра. Поздравьте этихъ господъ: Графъ Жуанъ де-Мельгаръ, Амиранте Кастильскій, женится на дочери Графа Мануэля Оропезы, Президента Кастильскаго, Доннѣ Антоніи. Отнынѣ, вы видите въ нихъ друзей и родственниковъ.

Digitized by Google

Кардиналъ былъ неловокъ отъ природы, и чѣмъ болѣе старался онъ скрывать свое замѣшательство, тѣмъ явнѣе было оно. Неуклюже поклонился онъ и пробормоталъ нѣсколько привѣтствій. Амиранте выслушалъ ихъ съ насмѣшливою улыбкою; Оропеза съ гордымъ видомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Графъ Оропеза раскланялся съ Королевою, проговоривъ шепотомъ нѣсколько словъ, сперва съ нею, потомъ съ Донъ Жуаномъ.

Замѣшательство Кардинала показалось Королевѣ признакомъ, что бѣдный Прелатъ хочетъ грубо, въ присутствіи ея, изъявить свое неудовольствіе на неожиданную новость. Всегда пылкая и неумѣренная въ страстяхъ своихъ, изъ веселости вдругъ перешла она къ досадѣ, быстро подошла къ Кардиналу, и вспыльчиво спросила: почему извѣстіе, ею сообщенное, кажется Его Священству непріятнымъ?

Этотъ вопросъ былъ поводомъ къ новому замѣшательству Кардинала, и онъ въ молчаніи смотрѣлъ на Королеву.

— Не потому-ли — продолжала Королева — что вы полагали необходимымъ ваше предварительное согласіе на это дѣло?

Бѣднякъ былъ совершенно смѣшанъ, и въ отчаяніи глядѣлъ на дверь, какъ на единствен-

Digitized by Google

ное средство спасенія. Но къ счастію, взоръ его встрѣтилъ насмѣшливую улыбку Донъ Жуана, и эта улыбка не возвратила прежнихъ, но дала ему новыя силы. Онъ почувствовалъ смѣлость труса, доведеннаго до крайности. «Важныя и особенныя дѣла, занимающія меня въ сіи минуты, не даютъ мнѣ возможности обратить вниманіе на что нибудь другое» отвѣчалъ Кардиналъ. И послѣ сего неожиданнаго вступленія, онъ прямо приступилъ къ предмету своего свиданія съ Королевою. Но едва объяснилъ онъ его поверхностно, Донъ Жуанъ принужденъ былъ знаками просить Королеву не прерывать рѣчи Кардинала. Говоря отъ имени всего Духовенства Испанскаго, Кардиналъ извѣстилъ о согласіи Короля: прибѣгнуть въ опасномъ своемъ положеніи къ помощи духовныхъ особъ; и что поелику Богъ расположилъ сердце Его Величества къ исполненію дѣла, столь благаго, то завтрашній день назначенъ днемъ заклятія злаго духа, терзающаго плоть и душу властителя Испаніи, а мѣстомъ обряда будетъ Санъ-Лорензо.

Только гнѣвнымъ взоромъ отвѣчала Королева на всѣ рѣчи Кардинала. Ей казался онъ теперь наглымъ врагомъ ея, дерзко пришедшимъ оскорбить, унизить ее. Она готова была вспыхнуть и оскорбительною рѣчью отвѣчать старому

Digitized by Google

Прелату. Но Амиранте заступилъ ей дорогу, и холодно спросилъ Кардинала: поклянется-ли онъ своею честью въ томъ, что вѣритъ околдованію Короля?

— Не только поклянусь честью, но и спасеніемъ души моей—отвѣчалъ Кардиналъ.—Всѣмъ, что только есть для меня священнаго, какъ христіанинъ, я клянусь, что истинно вѣрю околдованію и власти злаго духа, подъ которою находится теперь Король Испаніи.

«И для чего-же не прибавите вы къ этому, Ваше Священство,» вскричала Королева, тѣмъ съ большимъ гнѣвомъ, что она принуждена была удержаться нѣсколько времени, «для чего не скажете вы здѣсь, прямо въ глаза мнѣ, что я ша злая колдунья, проклятая чародѣйка, которая предала душу благочестиваго Короля врагу человѣческаго рода? Прочь, Донъ Жуанъ, прочь—дай мнѣ говорить съ этимъ человѣкомъ, какъ я должна говорить! Пора напомнить имъ, что я Королева ихъ... Мнѣ извѣстно все, что разславляютъ обо мнѣ ядовитые языки ихъ... Пусть въ свой чередъ выслушаютъ они меня — пусть скажетъ онъ своему отвратительному сообщнику, что я рѣшаюсь наконецъ стать противъ нихъ въ положеніе, достойное моего сана — и пусть берегутся они послѣ сего: ни

Digitized by Google

клобукъ Доминиканскій, ни шапка Кардинальская не спасутъ ихъ отъ моего преслѣдованія!»

— Прискорбенъ мнѣ несправедливый гнѣвъ Вашего Величества — смиренно отвѣчалъ Кардиналъ—но я чистъ душею противъ вашей высокой особы: клянусь въ этомъ моею честью, какъ благородный Испанецъ, и Крестомъ моего Спасителя, какъ истинный христіанинъ! Пусть говорятъ что угодно другіе, я не сомнѣваюсь въ вашей невинности. Но я исполнилъ мою тяжкую обязанность: извѣстить васъ о предположенномъ великомъ обрядѣ. Болѣю сердцемъ, что Ваше Величество не понимаете моей искренней къ вамъ преданности, и что гнѣвъ вашъ лишаетъ меня возможности узнать: угодно-ли будетъ вамъ сопровождать завтрашній день Его Величество въ Санъ-Лорензо, гдѣ совершится обрядъ закланія?

Марія стояла въ это время, на другомъ концѣ комнаты, оборотясь къ Кардиналу спиною, и разговаривала тихо съ Донъ Жуаномъ. Кардиналъ низко поклонился, и повторилъ свой вопросъ.

— Я сама передамъ отвѣтъ мой Королю — горделиво отвѣчала ему Марія. Она повелительно указала рукою на дверь. Молча поклонился Кардиналъ и вышелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

Едва ушелъ онъ, гнѣвъ Королевы вышелъ изъ всѣхъ предѣловъ. Упреки посыпались на Донъ Жуана за его слабость, трусость, его униженіе передъ врагами. Такъ-ли надобно дѣйствовать? Надобно было ужаснуть, уничтожить всѣхъ враговъ. И теперь въ глазахъ его оскорбляютъ Королеву, женщину, которой клялся онъ отдать жизнь свою, отъ которой требуетъ тяжкихъ пожертвованій— человѣкъ безъ сердца и души — онъ видитъ все это, и — молчитъ!

Пока говорила такимъ образомъ Марія, спокойно стоялъ Амиранте, и молча глядѣлъ на конную статую Филиппа IV-го. Его наружное спокойствіе приводило въ отчаяніе Марію.

— Или вы не слышите, что говорила я? — вскричала она, сильно топнувъ ногою.

Донъ Жуанъ оборотился къ ней, посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, и опять повернулся къ окну. Марія заплакала.

— Донъ Жуанъ! Развѣ хотите вы лишить меня послѣдняго ума, оставленнаго еще мнѣ врагами моими? Что смотрите вы на эту статую? Что она скажетъ вамъ? .... Твоихъ совѣтовъ, Донъ Жуанъ, твоихъ совѣтовъ требую я!

Digitized by Google

«Для того, чтобы ни сколько не слѣдовать имъ? Я отказываюсь совѣтовать вамъ послѣ того, что видѣлъ въ сіи минуты. Можно-ли было такъ дѣйствовать вамъ, Королевѣ: крикъ, слезы, жалобы, когда вы сами знаете, что все это ни къ чему не ведетъ, и только унижаетъ васъ? Если вы оскорблены теперь, какъ Королева, какъ женщина, то не вы-ли сами оскорбили себя, сознавшись, что вамъ извѣстны клеветы, разсѣянныя противъ васъ въ толпѣ низкой черни? Кто сказалъ вамъ все это?»

Марія покраснѣла, утихла, просила извинить ея вспыльчивость, и робко спрашивала: что-же теперь должно ей дѣлать?

Амиранте хладнокровно началъ говорить, что сущность дѣла показываетъ, какъ должно поступать имъ съ хитрыми ихъ врагами. Совершенное хладнокровіе и всевозможная осторожность—единственныя средства. Предоставляя Роккаберти совершать надъ Королемъ какія угодно закляпія, Королева должна только находиться при томъ неотлучно. Явно, что все это выдумано, какъ средство выманить у Короля, въ часы его безумія, какое нибудь важное рѣшеніе. Этому только надобно воспрепятствовать. Амиранте объяснилъ Королевѣ, до какой степени опасно было теперь ихъ положеніе, и что надобно было пользоваться всѣ-

Digitized by Google

ми возможными средствами. « Послѣ сего, можете представить себѣ всю великость пожертвованія, какое сдѣлалъ я, соединяясь родствомъ съ Оропезою. А вы не хотѣли понимать моего поступка? »

Сначала Королева внимательно слушала все, что говорилъ Амираніе, но вскорѣ замѣтилъ онъ, что Королева ничего не слушаетъ. Задумчива, печальна, Марія облокотилась одною рукою на подушку канапе, закрывая лицо свое, а другою рукою щипала и разбрасывала листочки фіалокъ и гіацинтовъ, стоявшихъ въ корзинкѣ передъ нею. Амиранте не могъ видѣть лица ея, но онъ видѣлъ, какъ тяжко подымалась ея грудь, какъ слезы капали сквозь пальцы руки, закрывавшей ея лицо. Привыкшій къ вспыльчивости, къ горячности Маріи, онъ не могъ равнодушно видѣть ея тихой скорби. « Женщина! я обманываю тебя; я жертвую твоею любовью не благу государства, но безумной страсти моей къ твоей соперницѣ! » Такъ готовъ былъ онъ воскликнуть. Но разсудокъ побѣдилъ минутное движеніе сердца. Онъ только подошелъ къ Маріи, назвалъ ее по имени, тихо, нѣжно. Она не отвѣчала ничего и продолжала плакать. . . .

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НОВАГО РОМАНА Г-НА ВЕЛЬТМАНА.

ГЛАВА X.

Въ исходѣ Октября, около вечера, небольшой отрядъ, состоящій изъ драгуновъ и Казаковъ, пробирался безъ всякихъ кавалерійскихъ правилъ чрезъ густой лѣсъ. По вспѣненнымъ и фыркающимъ конямъ можно было замѣтить, что отрядъ только что вышелъ изъ дѣла. Впереди ѣхалъ офицеръ, котораго мрачная наружность ни сколько не соотвѣтствовала молодости лѣтъ. Выбравшись на поляну, онъ остановилъ отрядъ, разослалъ во всѣ стороны патрули, соскочилъ съ коня, раскинулъ плащъ по травѣ и бросился на землю. Солдаты и Казаки также спѣшились. Драгунскій унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему.

— Ваше Благородіе! коней-то чай разсѣдлывать нечего; а не дозволите-ли сварить кашицу?

Digitized by Google

«Только не разводить большаго огня; кругомъ непріятель.

— Ужь какой тутъ большой огонь, Ваше Благородіе! всего-то сухарей чай не наберешся на вьючный кошелокъ.

«Завтра, можетъ быть, воротимся въ свой отрядъ, будемъ сыты.

— Дай Богъ, Ваше Благородіе!. Полки непріятельскіе какъ стѣна кругомъ насъ; хорошо какъ найдемъ гдѣ щель. Господинъ Маіоръ завелъ насъ; самъ положилъ голову, да и наши головы легли-бъ, если-бъ не Ваше Благородіе.

Офицеръ не отвѣчалъ. Подставивъ руку подъ голову, онъ казалось забылся.

Унтеръ-офицеръ возвратился къ командѣ и велѣлъ ломать хворостъ.

Драгуны поняли приказъ *его здоровья*; мигомъ наломали хворосту, вырубили огонь, разложили подъ кошелокъ, засѣли вокругъ огня, повели бесѣду.

— Ну, братцы—сказалъ кашеваръ—давай у кого что есть въ манеркахъ воды, а въ мѣшечкахъ сухарей. Эхъ ма! не много! подика-сь кто ни на есть, выбѣги на дорогу, да набери водицы.

Digitized by Google

Нѣсколько человѣкъ отправились съ манерками на дорогу. Послѣ бывшаго дождя на дорогѣ стояли лужицы. Манерочными крышками собрали они отстой, наполнили манерки, возвратились къ огню, и каша заварилась.

Казаки, какъ люди посторонніе драгунамъ, столпились въ свой кружокъ. У нихъ не было ни крупъ, ни сухарей.

— Что-жь, братцы—сказалъ одинъ Казакъ, котораго за отважность называли *Бегидовцемъ* — драгуньё-то кашу варятъ; а мы что? Безъ хлѣба не приходится быть!

« Что-жь, кому нибудь надо на фуражировку ѣхать,» отвѣчалъ урядникъ.

— Дѣло. Кругомъ деревни; какъ не добыть хлѣба.

« Деревни, да заняты Французомъ.

— Что-жь! Французъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ; по-ночи не усмотрятъ.

« Дѣло. Ну, кому-жь ѣхать.

— Ну-ка-сь, выломи хворостину, кинемъ жеребій; тремъ верхнимъ.

« Ну!

— Нѣтъ, братцы — сказалъ Бегидовецъ — я безъ жеребья ѣду. Ужь коли добывать, такъ до-

Digitized by Google

бываешь! Добуду—драгунамъ мѣднымъ лбамъ понюхать не дамъ! Вишь, сами ѣдятъ, и офицера не поподчуютъ! Кто со мной охотники? Поѣдемъ ты Вася, да ты Чюрюмъ.

« *Нарь їбвьэ! аха!* пойдемъ, братъ, пойдемъ!— отвѣчалъ Калмыкъ *Чюрюмъ*, съ густыми, повислыми усами, совершенно похожій на моржа.

Урядникъ съ Бегидовцемъ отправились къ офицеру просить дозволенія.

— Ваше Благородіе, дозвольте Казакамъ съѣздить хлѣба промыслить.

« Что тебѣ ?» спросилъ офицеръ очнувшись.

— Да такъ чего нибудь на ужинъ, Ваше Благородіе.

« Гдѣ-жь я возьму, мой другъ.

— Да это ужь наше дѣло *гдѣ взять*, дозвольте только съѣздить въ ближнее село.

« Куда вы поѣдете! кругомъ насъ непріятель.

— Что-жь, Ваше Благородіе—отвѣчалъ Бегидовецъ—голодной смерпью не приходится умирать; а безъ воли Божьей головы не снимутъ.

« Ступай, только осторожно; не выкажи дороги къ намъ.

Digitized by Google

— Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Благородіе! — произнесъ Бегидовецъ, очень довольный позволеніемъ.

« Ну, братцы, подтягивай подпруги! Хайдъ!

И вотъ Бегидовецъ, Вася и Калмыкъ, выпянувъ коней нагайками, пустились вонъ изъ лѣса, какъ охотники за косымъ зайцемъ. Скоро выбрались они на торную дорогу, которая потянулась мѣлкимъ кустарникомъ.

Вечеръ легъ уже на мрачную окружную природу; луга и пахатныя поля, покрытые припавшимъ къ землѣ туманомъ, казались моремъ, отдаленные лѣса берегами, а селеніе, верстахъ въ трехъ, обнесенное густою рощею, казалось островомъ. Къ нему-то торопились Бегидовецъ, Казакъ Вася и Калмыкъ Чюрюмъ.

— Видишь, братцы, въ селѣ огни.

« Огни, да не свои.

— Не свои, такъ Французскіе, все равно. Французовъ выживемъ!—сказалъ Бегидовецъ.

« Экой ты прытной; да тамъ, чай, ихъ полкъ! Смотри, кругомъ села пикеты; чу! покрикиваютъ.

— Не бось, мы имъ подадимъ голосъ!

Digitized by Google

« Да что-жь ты брашъ хочешь дѣлать? Аль соннаго зелья имъ дашь?

— Нѣтъ, просто глаза оморочу. Вотъ, примѣромъ, считай, сколько насъ здѣсь?

« Да и всего-то трое.

— Врешь! три полка. Полкъ мой, полкъ Васькинъ, да Чюрюмовъ, Калмыцкій полкъ.

« Ахъ ты Бегидовецъ окаянный! и насъ-то морочить хочетъ.

— Нѣтъ, не морочить; самъ увидишь. Васькинъ полкъ да Чюрюмовъ полкъ спѣшу: безъ пѣхоты не приходится деревню брать; а съ своимъ полкомъ пойду въ ашаку.

« Мудренъ человѣкъ! *Сеахань хазыкъ!* славный Казакъ!— сказалъ молчавшій до сей поры Калмыкъ.— Спрятай, брашъ, своя башка, жаль, Французъ рѣжитъ такой башка!

— Ахъ ты Калмыцкая *ноха*, собака!

« Да куда-жь ведешь ты насъ? Деревня на ружейный выстрѣлъ; смотри, около огня пѣхотный пикетъ.

— Пѣхота-то намъ и по рукѣ. Тсъ! не бормочи-же, пробирайся знай между деревьями.... Ну, стой теперь, братцы, спѣшивайся. Смотри-же: знаете вы, какъ воронъ изъ-за угла

Digitized by Google

пугаютъ? Такъ пугнемъ мы и Французовъ. Привязывай коней въ кусты; а сами воровскимъ ползкомъ вдоль плетня, да межой, прокрадьтесь въ задворки. Ты Вася съ одной стороны села, а ты Чюрюмъ съ другой; заберитесь въ овины, гдѣ побольше соломы, да и сиди; а, какъ послышите выстрѣлъ, то и бѣгите отъ овина къ овину, да запаливайте пистолями солому. Да смотри не робѣй, братцы; между цѣпью прокапитесь валькомъ.

« Робѣть-то не сробѣемъ, да что-жъ изъ того будетъ?

— *Мэднэвэ!* знаю! — вскричалъ Чюрюмъ—то по нашему! пойдомъ, братъ, пойдомъ!

« Ну, такъ и быть,» отвѣчалъ Казакъ Вася; потомъ, привязавъ коня, онъ перекрестился и приклонясь къ землѣ, поползъ на карачкахъ между полосами пахатной земли. « *Хаэрхынъ-Бурхунъ!*» прошепталъ Чюрюмъ и поползъ вслѣдъ за нимъ.

— Съ Богомъ! — сказалъ Бегидовецъ вслѣдъ товарищамъ, которые исчезали въ темнотѣ и въ межахъ.

Въ это время, изъ-за чернаго лѣса, за селеніемъ, поднимался мѣсяцъ, огромный, красный, какъ одувшееся лицо безпросыпнаго пьяницы.

Digitized by Google

Выпаращивъ глаза и разинувъ ротъ, казалось, что онъ уже хлебнулъ изъ горькаго земнаго Океана, и окутываясь въ лохмотья тучь, сбирался идти по міру.

— Пора!—прошепталъ самъ себѣ Бегидовецъ, и вдругъ вышянувъ нагайкою коня своего, помчался къ деревнѣ съ крикомъ хи, ха, хэ! — Стрѣлой пронесся онъ прямо къ пикету, расположенному передъ деревней; нѣсколько человѣкъ пѣхотинцевъ сидѣли вокругъ огня и беззаботно курили трубки. Онъ бухъ! прямо на нихъ, пролетѣлъ черезъ огонь, дернулъ въ обѣ стороны по головамъ нагайкой, свиснулъ, гаркнулъ, крикнулъ: хи, ха, хо! и взвивалъ уже пыль вдоль по деревнѣ, оглушалъ улицу гамомъ и высвистѣлами изъ пистолетовъ.

Бегидовецъ былъ совершенно похожъ на сына Меркуріева, когда во время похода Бахуса въ Индію, онъ разогналъ крикомъ своимъ все непріятельское войско. Но Пану помогла его возлюбленная, *Эхо*, отзывавшись со всѣхъ сторонъ тысячами голосовъ; а Бегидовцу никто не помогъ; онъ одинъ кричалъ хи, ха, хо! не хуже цѣлаго войска, когда оно бѣжитъ въ ашаку или лѣзетъ на стѣну.

Въ деревнѣ только что расположился на кантониръ-квартиры Баварскій, линейный пѣхот-

Digitized by Google

ный полкъ; едва только ошвелъ онъ душу отъ дальняго похода, закурилъ трубки и заговорилъ о своемъ родномъ тепломъ климатѣ и дивномъ Швейнфурпскомъ винѣ, вдругъ тревога, шумъ, крикъ, выстрѣлы, нападеніе, ужасъ! Поднялась сумашоха, хватаются за ружья, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ на улицу, кричатъ, толпятся на площадкѣ передъ господскимъ домомъ, строятся въ колонну и оттуда идутъ на Starke Position, за селеніемъ.

Огонь разлился по овинамъ, пышитъ, освѣщаетъ окрестность; на высотѣ стоитъ непріятельское каре, держитъ ружья на готовѣ, довольное собою, что внезапное нападеніе предупреждено; мужественные взоры свѣтятъ, какъ искры готовыя упасть на полку.

Между тѣмъ Бегидовецъ, сдѣлавъ *вольтъ* въ полѣ, воротился уже въ оставленную непріятелемъ деревню, распоряжался въ ней какъ побѣдитель: шарилъ по угламъ, бралъ контрибуцію, вьючилъ коня всѣмъ годнымъ, всѣмъ питательнымъ, всѣмъ, что Богъ посылалъ подъ руку.

Калмыкъ Чюрюмъ также не теряетъ времени. Замѣтивъ, что боярскій домъ оставленъ непріятелемъ безъ надзора, онъ кинулся въ него. Всѣ двери на распашку, все готово къ его посѣщенію; комнаты освѣщены, въ залѣ накрытъ

Digitized by Google

столъ, уставленъ кушаньемъ и виномъ; фарфоръ, хрусталь, серебро, разныя вещи разбросаны. Чюрюмъ расперлъ глаза. «*Арзэ*! водка!» шепчетъ онъ самъ себѣ, выхвативъ граненый графинъ изъ серебрянаго судка, пьетъ... кисло—уксусъ ему не по сердцу—хлопъ о землю. Схватился за другой—горько!—горчичное масло не вкусно; хлопнулъ о землю. «*Нэмышъ-такя*!—Нѣмецкая курица!» пробормоталъ онъ снова, сдернувъ за ногу огромную индѣйку съ блюда и вцѣпившись зубами ей въ крыло. Между тѣмъ глаза его рыщутъ по комнатѣ; остановились на кованомъ ларцѣ, стоявшемъ на столѣ; *хэрчинъ*! ящикъ! думаетъ Чюрюмъ, бросивъ индѣйку и обхвативъ ларецъ; тяжелъ; вскидываетъ его на плечо; а подлѣ, на диванѣ, сабля и пистолеты; *сеиханъ юльдъэ*! славная сабля! вскрикиваетъ Калмыкъ, протягиваетъ къ ней руку; а ларецъ бухъ съ плеча, бацъ объ полъ, разлетѣлся въ дребезги, дорожная посуда, бритвы, разная мѣлочь покатилась по землѣ. Дзъ! шипитъ Чюрюмъ, привѣшивая торопливо саблю и запыкая пистолеты за поясъ.

Вдали послышался шумъ. Быстро, жаднымъ взоромъ окинулъ Калмыкъ еще разъ комнату, схватилъ стоявшую подъ стекляннымъ колпакомъ вазу, торопится вонъ, скользитъ по ступенямъ лѣстницы, споткнулся, грохнулся

Digitized by Google

вмѣстѣ съ вазой объ полъ, вскочилъ, плюнулъ на черепки фарфора, и исчезъ между строеніями двора боярскаго.

Казакъ Вася, съ другой стороны селенія, не такъ опромѣтчиво поступилъ; онъ забрался просто въ избу, наклалъ въ рѣдно всего что только нашелъ годнаго для употребленія въ пищу, взвалилъ на плеча, схватилъ со стола отрѣзанный ломоть хлѣба, и стуча зубами какъ въ барабанъ, отправлялся скорымъ шагомъ на соединеніе съ главными силами въ лѣсъ.

Бегидовецъ давно уже ожидалъ товарищей. Пришелъ Вася, запыхавшись; навьючилъ коня. Ждутъ Чюрюма. Является наконецъ Чюрюмъ, бѣжишъ.

— Что-жь ты съ пустыми руками, Калмыцкая харя!

« Пойдомъ брашъ, на конь, пойдомъ брашъ! *Ахать баинъ! много добра!* на барской дома!

— Нѣтъ, спасибо, Калмыкъ! нашелъ просповолосыхъ! отправляйся самъ! Про глухаго не двѣ обѣдни! ѣдемъ Вася.

Бегидовецъ и Вася засѣли на коней, и отправились по опушкѣ лѣса назадъ. Навьюченные кони ихъ, какъ горбатые верблюды, едва переступали отъ тяжести.

Digitized by Google

« Дзъ, эхъ! » пробормоталъ Калмыкъ, отправляясь вслѣдъ за товарищами, и бранясь по своему.

Пожаръ деревни освѣщалъ окрестность. Луна поднялась на горизонтъ. Въ полѣ все было видно, какъ посреди бѣлаго дня.

Вдругъ, впереди послышались голоса. Казаки остановились. Съ поперечной дороги, изъ за лѣса показался небольшой кавалерійскій отрядъ. Кони были навьючены; каждый солдатъ велъ за собою на привязи корову, или шеленка, какъ заводнаго коня.

— Непріятель,—сказалъ тихо Бегидовецъ — вѣрно съ фуражировки! вишь навьючились, словно нашъ братъ Казакъ; собаки! добро-бы въ своей землѣ!

« *Аха, менюга санса! слушай, братъ!* » сказалъ Калмыкъ: « на ваша много добра, *намъ дугэ, у меня нѣтъ ничего!* Стой здѣсь, я пойдотъ на эпо *нохэ, собака*, возьмутъ у нихъ корова два.

— Что? корова два!—передразнилъ Бегидовецъ Калмыка.

« *Укъюръ хаиръ, корова два*, братъ, возьмутъ у Пранцузъ.

Digitized by Google

— Ахъ ты копченой! поди умойся сперва! туда-же!...

« *Моволлвэ аха! нечестно братъ!* Калмыкъ все дѣлай что прикажешь.

— Да тебя уколошатъ какъ собаку; смотри, ихъ человѣкъ десятка три.

« Не знай братъ считай я!» отвѣчалъ Калмыкъ сердито.

— Ну, ступай, дѣлай что хочешь, посмотримъ на твою удаль.

« *Сэтыръ халэ, смотри хорошо,* братцы, какъ я будутъ палилъ на пистоль и ваша палилъ, гикай, кричи.

— Изволь, изволь, Чюрюмъ — отвѣчали Бегидовецъ и Вася.

Хаэрхынъ-бурхунъ! дай Богъ счастья! вскричалъ Калмыкъ, и вмигъ взвился по полю. Конь его сплался по землѣ. Пыль взвилась золотой струей; казалось, что Чюрюмъ поднялъ всю дорогу на воздухъ.

Внезапно какъ Божья немилость наскочилъ онъ на отрядъ; гикнулъ, промчался около него какъ молнія, сбилъ крайняго кавалериста тупымъ концемъ копья съ сѣдла, поворотилъ, ударилъ по лицу нагайкой другаго, выпалилъ въ третьяго.

Digitized by Google

— Хи, ха, хо! — раздалось подъ лѣсомъ и вслѣдъ за этимъ нѣсколько выстрѣловъ.

Неожиданное нападеніе навело паническій страхъ на фуражировъ; бросивъ заводную свою добычу, они пустились во весь опоръ. Оставленныя коровы и телята, съ испугу кинулись вслѣдъ за ними. Не оглядываясь мчались Французы преслѣдуемые спадомъ, и исчезли въ глубинѣ ночнаго отдаленія.

Между тѣмъ Калмыкъ возвратясь на поле побѣды, собиралъ уже трофеи, обшарилъ карманы трехъ убитыхъ имъ Французовъ, поймалъ навьюченнаго коня и двухъ телятъ, и возвратился къ своимъ товарищамъ.

— Ну, Калмыкъ! сказать правду, проворенъ малой! по-Бегидовски.

«По-Сысоевски, братъ,» отвѣчалъ Калмыкъ.

— Все равно, нашъ Давыдъ Григорьичъ, какъ щука въ морѣ: не дремли карась; а по-Сысоевски: нагайкой просѣку прокладывай, а конемъ непріятеля въ землю вшапшывай.

Шажкомъ отправились Казаки къ отряду. Скоро выбрались они на дорогу лѣсомъ, приближались уже къ тому мѣсту, гдѣ расположенъ былъ отрядъ ихъ.

Digitized by Google

Вдругъ слышашъ топотъ коней. Свернули въ сторону. Смотрятъ: вслѣдъ за офицеромъ, несется весь отрядъ ихъ во весь опоръ.

— Стой, братъ, стой!—закричали они Казаку, который немного пріотсталъ.

« Куда вы? а мы было всего навезли.

— Сами не вѣдаемъ—отвѣчалъ Казакъ — мы было вздремнули; вдругъ офицеръ вскочилъ, крикнулъ: коня! и мы на коней, да и помчались Богъ вѣсть куда.

« Эхъ, горе!» вскричалъ Бегидовецъ.

— Дзъ! эхъ, недобре!—вскричалъ Чюрюмъ.

« Эхъ!» повторилъ Казакъ Вася, и всѣ трое вздыхая, торопливо развьючили коней, бросили добычу; Калмыкъ отхватилъ саблей у заводнаго теленка мягкую часть задней ноги, заложилъ подъ подушку сѣдла... сѣли, поскакали вслѣдъ за отрядомъ.

Выбравшись въ чистое поле, офицеръ вдругъ остановился.

— Видите-ли?—вскричалъ онъ.

« Видимъ, Ваше Благородіе, пожаръ въ селѣ—отвѣчалъ урядникъ, не отстававшій съ своими Казаками отъ него.

Digitized by Google

— Это горитъ Россія!—продолжалъ офицеръ дикимъ голосомъ—искры пожара падаютъ мнѣ на сердце.... Враги хотятъ пробраться въ душу... Тѣнь стелется по Русской землѣ... Страшный человѣкъ заслонилъ наше солнце.... Но, сбросимъ его въ глубину морскую, въ глубину, чтобъ онъ не обратился въ скалу подводную....

—Смотрите, друзья, на эти два глаза: они смотрятъ на все земное пространство; но и они закроются навсегда, и ихъ пламенный взоръ потухнетъ какъ падучая звѣзда!... Видите-ли?...

Весь отрядъ безмолвно устремилъ глаза на пожаръ села.

— И въ правду, братцы, смотри-ко, село горитъ съ двухъ сторонъ, словно два ока!— сказалъ одинъ изъ Казаковъ.

— Видите-ли—продолжалъ офицеръ—эту глубокую думу? Это дума одного человѣка, одного только; онъ хочетъ слить мысли всѣхъ людей въ одну мысль, хочетъ населить востокъ, югъ, западъ и сѣверъ своей одной душою!... Но эта страшная дума въ немъ родилась, въ немъ взлелѣяна, въ немъ и погибнетъ, не воплощенная! Видите-ли?

Digitized by Google

Весь отрядъ всматривался въ отдаленный пожаръ села.

— И то, братцы, смотри какой *дымъ*, такъ и клубитъ, такъ и стелется по полю!

«Мы стрѣлы Русскаго грома — продолжалъ офицеръ — поразимъ враговъ нашихъ! Слышите-ли!

— Слушаемъ, Ваше Благородіе! — прокричалъ отрядъ.

Офицеръ понесся какъ мигъ, по полю, прямо къ горящему селу. Весь отрядъ мчался за нимъ, какъ метелица. Пронеслись чрезъ пылающее село. За селомъ, на возвышеніи, непріятельскій, знакомый Бегидовцу, Васѣ и Чюрюму, полкъ пѣхоты, долго стоявшій въ каре, въ ожиданіи нападенія, наконецъ успокоился и расположился на бивакахъ.

— Смотри, Вася — вскричалъ Бегидовецъ — то наши пуганыя вороны! Гикнемъ, братцы, ура!

Ура! повторилъ весь отрядъ, и обсыпавъ непріятельскій полкъ, пустилъ нѣсколько выстрѣловъ, крошитъ, сѣчетъ саблями, нижетъ на пики.

— Pardon!—кричатъ непріятельскіе солдаты бросая ружья.

Digitized by Google

«Пардонъ шакъ пардонъ, сшой братцы! безоружныхъ не бьютъ!» вскричалъ урядникъ. «Спросимъ у Его Благородія, чшо̀ съ ними дѣлашь?

— Да гдѣ-же Его Благородіе? Ужь не убишъли, братцы?

Ищутъ офицера. Находятъ распростертаго на землѣ, между грудой шѣлъ непріятельскихъ.

— Убишъ, братцы! Вошъ онъ!... Ой нѣшъ! оглушило только... дышишъ...

Офицеръ открылъ глаза.

— Утро! — вскричалъ онъ — пора! мы проспали!..

«Никакъ нѣшъ, не проспали, Ваше Благородіе! Весь полкъ въ рукахъ, да двѣ пушки,» сказалъ урядникъ. «Чшо прикажете дѣлашь съ плѣнными?...

Офицеръ, не отвѣчая, привсталъ, обвелъ кругомъ себя взорами, закрылъ руками глаза.

«Ничего не знаю! ничего не помню! новое безпамятство, безуміе! Чшо̀ со мною дѣлается!» произнесъ онъ.

— Вишь, братцы, какъ оглушило: по сію пору не придешъ въ себя Его Благородіе — шептали между собою Казаки.

Digitized by Google

«Такъ какъ-же, Ваше Благородіе? приколоть всѣхъ на мѣстѣ, аль вести въ отрядъ?» повторилъ урядникъ.

—Въ отрядъ...Коня моего!—произнесъ офицеръ —вашъ подвигъ, вамъ слава и награда, друзья.

«Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Благородіе.

Отрядъ сѣлъ на коней, окружилъ плѣнныхъ, и потянулся рысцой, подгоняя нагайками и палашами бѣдную пѣхоту.

Калмыкъ Чюрюмъ запѣлъ дикимъ, заунывнымъ голосомъ:

«Тёёль сээгнъ чикъашэ,
Тёёль шё харъ эванъ унулавэ...»

про добраго смышленаго молодца, какъ онъ, на длинноухомъ каремъ конѣ съ бѣлой звѣздой во лбу, отправлялся изъ похода къ своему *Нойну—Государю.*

Digitized by Google

КРИТИКА.

О новомъ направленіи въ Русской Словесности.

У насъ нѣтъ Литтературы — говорятъ многіе — и кто не согласится, что это правда? У насъ нѣтъ Литтературы, потому что книги Русскія не выражаютъ вполнѣ Россіи. Онѣ пишутся и издаются, большею частію, по разнымъ относительнымъ причинамъ, а не по искреннему побужденію дать отчетъ въ своихъ понятіяхъ, чувствахъ, свѣдѣніяхъ. Сверхъ того, и число писавшихъ и пишущихъ у насъ такъ мало, такъ ограничено, что ихъ не льзя назвать представителями Русскаго ума, Русскихъ дарованій. Наконецъ, подражательность — вѣчная спутница всѣхъ юныхъ Литтературъ, и давняя губительница нашихъ писателей—не дозволяетъ Русскому уму явить себя во всей красѣ и силѣ. Эти соединенныя причины оставляютъ нашу письменность въ какомъ-то дѣтскомъ возрастѣ, и не даютъ ей возмужать до

Digitized by Google

возраста истинной Литтературы. Дитя въ пеленкахъ, дитя верхомъ на палочкѣ, дитя съ учебною книжкою въ рукахъ, не можетъ быть названъ полнымъ человѣкомъ, потому что ему еще надобно пережить возрастъ юношества и мужества.

Не опредѣляя, въ какомъ возрастѣ находится теперь наше милое дитя, Русская Литтература — ибо надобно-же такъ называть ее, для избѣжанія излишнихъ словъ и для того, что дитя есть уже человѣкъ — замѣтимъ, что по неизмѣнному закону, въ нашей Литтературѣ полнѣе и болѣе всего развита до сихъ поръ Словесность. Человѣкъ прежде всего бываетъ движимъ фантазіею: судьба какъ будто ждетъ лѣтъ болѣе зрѣлыхъ для дѣйствій его на поприщѣ ума и учености. Потому-то всѣ Литтературы начинались Словесностью, въ которой прежде нежели въ другихъ отрасляхъ являются люди, исполненные дарованій, поэты, ибо чувство развивается въ человѣкѣ прежде всѣхъ другихъ способностей. И у насъ, при бѣдности въ другихъ отдѣлахъ Литтературы, есть уже довольно писателей-поэтовъ, которыхъ можемъ мы противопоставить знаменитымъ именамъ другихъ Словесностей. Державинъ, Хемницеръ, Фонъ-Визинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ — именуемъ только нѣкоторыхъ — были-бы честью какой угодно Словесности. И теперь, при общемъ, безпрерывно возрастающемъ развитіи духа Русскаго, замѣчательнѣйшія явленія литтера-

Digitized by Google

шурныя видимъ въ нашей Словесности: другіе отдѣлы Литтерашуры не идушъ рядомъ съ нею. Это, нѣкоторымъ образомъ, можетъ также доказывать юность нашей образованности; но не объ этомъ хотимъ мы говорить въ нашей статьѣ. Мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя новыя явленія Русскаго Стихотворства (*). Они принадлежатъ лучшимъ современнымъ поэтамъ нашимъ: Жуковскому и Пушкину, особенно-же сему послѣднему, который напечаталъ во 2-й книжкѣ *Библіотеки для чтенія*: *Сказку о мертвой Царевнѣ*. Жуковскій, въ прошедшемъ году, подарилъ насъ также сочиненіемъ: *Сказка о Царѣ Берендеѣ*; Пушкинъ напечаталъ въ 3-мъ томѣ своихъ Стихотвореній *Сказку о Царѣ Салтанѣ*. Ибо многихъ другихъ, новыхъ сочиненіяхъ сего поэта видно стараніе: превратиться въ стариннаго Русскаго разскащика, воскресить духъ старой Руси, замѣнить новыя формы стихотворства старыми. Объ этомъ-то направленіи хотимъ поговорить мы. По нашему мнѣнію, здѣсь явленіе чрезвычайно важное: оно можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на будущую участь нашей Словесности; могутъ найдтиться

(*) У насъ привыкли называть Стихотворство *Поэзіею*, вѣроятно взявъ это слово съ Французскаго, на которомъ оно собственно выражаетъ Стихотворство. Les poésies de V. Hugo значитъ ни больше, ни меньше какъ: *Стихотворенія В. Гюго*. Слѣдственно

Digitized by Google

подражатели и обожатели, которые распространяютъ, преувеличатъ, исказятъ мысль нашихъ отличныхъ поэтовъ, и сдѣлаютъ изъ нея тоже, что сдѣлали бездарные подражатели изъ мысли Карамзина, который хотѣлъ размягчить грубость нашу слезами чувствительности. Зачѣмъ-же работать намъ еще двадцать, тридцать лѣтъ по новому направленію, если оно ложно? Надобно будетъ оставить его, и тогда пожалѣютъ о потерянномъ времени. Лучше сообразимъ теперь это явленіе съ указаніями Исторіи и съ выводами ума. Поэты могутъ иногда обольщаться мечтами, но мы, безпристрастные наблюдатели, обязаны говорить имъ правду.

Мысль: подражать изящному прошедшему, была искони мученіемъ многихъ писателей и даже многихъ Литтераторъ. Великолѣпные Римляне видѣли въ изящныхъ Грекахъ образецъ для всѣхъ произве-

---

у Французовъ злоупотребленіе сего слова имѣетъ по крайней мѣрѣ основаніе. Но у насъ для чего это? Поэзія можетъ быть и въ Живописи, и въ Музыкѣ, и даже въ подвигѣ; но въ большей части стихотвореній нѣтъ ея. И такъ пора обратиться къ здравому смыслу и называть предметъ настоящимъ его именемъ.

Digitized by Google

деній своей Словесности; Средніе Вѣка чушь не молились древности; Французы, холодные подражатели древнимъ Классикамъ, были въ свою очередь образцами для многихъ, и въ томъ числѣ для насъ, переимчивыхъ Рускихъ. Теперь, когда мысль сія признана болѣе нежели неисполнимою — теперь странно было-бы вновь доказывать признанное всѣми. И философскіе выводы, и свидѣтельства историческія у всѣхъ въ памяти, передъ глазами. Теорія истинной поэзіи овладѣла сердцемъ, неизгладимо начертана въ умѣ, слилась съ жизнію каждаго образованнаго юноши новаго поколѣнія. Зачѣмъ-же доказывать человѣку то, въ чемъ онъ убѣжденъ? Зачѣмъ говорить ему, что онъ можетъ пѣть только своимъ голосомъ, видѣть только своими глазами, чувствовать только своимъ сердцемъ, своею душою? По крайней мѣрѣ на этотъ разъ мы отказываемся отъ новаго рѣшенія задачи рѣшенной, и пользуясь выгодою нашего положенія въ настоящемъ случаѣ, обращаемся къ предмету болѣе новому.

Мы должны разсмотрѣть: новое направленіе, которое хотятъ придать Русскому Стихотворству двое отличныхъ поэтовъ нашихъ, не одинаково-ли съ тѣмъ направленіемъ, о которомъ говорили мы сей часъ? Если достигнемъ вывода подтвердительнаго, то это будетъ рѣшительнымъ опроверженіемъ мысли ихъ.

Разница въ подражаніи Классиковъ и нашихъ поэтовъ, не болѣе какъ одна обольстительная мечта.

Digitized by Google

Правда, первые подражали чуждымъ народамъ, а мы хотимъ подражать своему, родимому, отечественному. Но чувствуете-ли вы, на чемъ держится эта утѣшительная мечта? На словѣ: подражаніе! И вы, забывая уроки вѣковъ, пускаетесь опять въ подражаніе? Вамъ не страшно опять строить зданіе на зыбкой основѣ мысли о подражаніи? Васъ не научили ни превосходство самобытныхъ геніевъ, ни горестный примѣръ геніевъ-подражателей? Нѣтъ, право, человѣчество неисправимо! И по дѣломъ Провидѣніе умножаетъ тысячами, милліонами жестокіе примѣры: этого все еще мало, все еще надобны примѣры и опыты новые. Мы всегда найдемъ оправданіе, ступая въ тѣ слѣды, которые вели предшественниковъ нашихъ къ паденію. « Мы хотимъ не просто подражать: мы хотимъ превратиться въ древнихъ Русскихъ! Хотимъ быть Русскими и по языку и по чувствамъ! Какое-же шутъ подражаніе? » Да, это было-бы очень весело, если-бъ было возможно. Я превратился-бы въ Киршу Данилова, или въ тѣхъ, кого выдаетъ онъ намъ за себя; вы запѣли-бы еще болѣе по-Русски: голосомъ пѣвца Игорева; а третій захотѣлъ-бы превратиться въ Баяна, о которомъ и пѣвецъ Игоревъ говоритъ какъ о прошедшемъ. Мы были-бы тогда настоящіе Русскіе! И какъ славно это: жить въ XIX вѣкѣ Русскими XV-го, XIII-го, можетъ быть XI-го вѣка! Мы были-бы точно Русскіе XIX вѣка!

Шутки въ сторону; въ сторону и явная невозможность—изъ настоящаго времени переселиться за пять

Digitized by Google

вѣковъ, даже за два вѣка, за одинъ вѣкъ. Мы не волшебники, мы даже не Калліостро или Графъ Сенъ-Жерменъ. Но *можемъ-ли* мы и *должны-ли* мы подражать нашимъ древнимъ или даже стариннымъ Русскимъ произведеніямъ Словесности? Осмѣливаюсь отвѣчать: *не можемъ* и *не должны*. Возьмемъ подражаніе въ самомъ высокомъ его смыслѣ, то есть согласимся на минуту, что мы должны *превратиться* въ Рускихъ XIII-го столѣтія, или... не знаю какъ объяснить вамъ эту темную для меня самого мысль?... Предположимъ, что мы хотимъ выучиться такъ глядѣть на предметы, какъ глядѣли наши предки, такъ чувствовать, какъ чувствовали они, такъ говорить и писать, какъ они. Предположимъ все это, поддадимся обольщенію, и станемъ обдумывать: какъ-бы исполнить намъ свое намѣреніе? Станемъ читать старыя книги, которыхъ у насъ почти нѣтъ, станемъ вглядываться въ дѣянія нашихъ предковъ, въ ихъ обычаи, въ ихъ нравы и повѣрья, станемъ учиться ихъ языку. Но какими глазами станемъ глядѣть мы, какою душою чувствовать, какимъ умомъ повѣрять новыя пріобрѣтенія? У насъ все это: и умъ, и душа, и даже зрѣніе наше принадлежатъ XIX-му столѣтію. Каковъ-бы ни былъ предметъ — хотя-бы то была сама Россія XIII или XV вѣка, возставшая изъ непробуднаго прошедшаго, она будетъ отражаться въ *насъ*, которые смотримъ, чувствуемъ и понимаемъ иначе нежели предки наши. Неужели вы думаете что предметъ играетъ въ этомъ случаѣ главную роль? Напрошивъ: мы сами. Природа одна для всѣхъ; но какъ

Digitized by Google

различно отражается она въ тѣхъ, кто глядитъ на нее! Одна природа была передъ глазами Байрона и Англійскаго мужика, его современника, передъ глазами Автора Письма къ Докшору Эрману и оглупѣлаго въ невѣжествѣ Якута. Слѣдственно, все зависитъ отъ нашего взгляда на нее. Но въ отношеніи къ прошедшему это еще разительнѣе. Прошедшее можно уподобить отдаленной лунѣ, которая глядится въ зеркала земли, воды. Мы видимъ ее: она, кажется, такъ ясно передъ нами, такъ близко, что можно схватить ее за рога — Мугаммедъ увѣрялъ даже, что онъ поймалъ ее однажды. Но такова-ли эта небесная подруга мечтателей, какою намъ представляется она? Ни океанъ, ни лужа, отражающіе въ себѣ луну, не представляютъ намъ ее истинно: это одинъ обманчивый отблескъ, призракъ! Такъ и прошедшее: мы знаемъ его, видимъ, но такъ отдаленно, такъ неясно, что можемъ любить его лишь въ идеѣ, а не облекать въ истинныя формы.

Такимъ образомъ, надобно сознаться наконецъ въ невозможности *переселенія себя* въ прошедшее, ибо этому противятся и взглядъ нашъ и самый предметъ. Остается *подражаніе*; возможно-ли оно—этому свидѣтельствомъ служитъ бездушная Классическая Литтература. Если хотите подражать формамъ, если хотите быть только по наружности сходны съ предметомъ вашего подражанія, хотите быть Классиками новаго рода — передъ вами открытый путь къ этой гибели! . . .

Digitized by Google

Убѣдившись въ невозможности такого подражанія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили и другой вопросъ: должно-ли пускаться въ это подражаніе? Въ самомъ дѣлѣ: кто станетъ подражать тому, чему не льзя подражать? Но есть люди, которыхъ упрямство непобѣдимо никакими доказательствами. Для нихъ-то принуждены мы сказать еще нѣсколько словъ, которыя будутъ служить новымъ поясненіемъ доказанной нами истины, и покажутъ, какія могутъ быть слѣдствія оспориваемаго нами направленія.

Повинуясь мысли своей: подражать древнимъ и стариннымъ Русскимъ сказаніямъ, вы хотите отдѣлиться отъ своего вѣка, вы надѣетесь въ отдаленной старинѣ открыть свѣжіе родники поэзіи, и олицетворить древнюю Русь въ новой. Исполненіе этого предпріятія невозможно, ибо оно противно законамъ природы и ума; но стремиться можно ко всему, даже стремиться схватить съ неба звѣзду и отыскать квадратуру круга. Понимаю благородный порывъ къ оживленію нынѣшней безмысленной, безжизненной Словесности нашей. Да, у насъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ роднаго въ Словесности; у насъ все чужое, заимствованное—и мысли, и направленія, и труды литературные. Мы повинуемся геніямъ чужихъ странъ, мы слѣдуемъ Шиллерамъ, Байронамъ, В. Скоттамъ, и не думаемъ о самобытности. Можетъ быть къ этому привели насъ историческія обстоятельства, но какъ-бы то ни было, а это событіе, и событіе неутѣшительное. Надобно вырваться изъ чужихъ сѣтей: мы уже чувствуемъ

Digitized by Google

потребность въ этомъ, и слѣдственно сдѣлали первый шагъ къ успѣху. Идея, зародившаяся единожды, не гибнетъ: она произведетъ свои послѣдствія. Сначала все бываетъ идеею; но часто идея движетъ народы, открываетъ съ Коломбомъ Америку, даетъ кровавую Бородинскую битву, или производитъ чудеса Искусства и даритъ міръ безсмертными произведеніями Рафаэлей и Моцартовъ. И въ нашемъ мірѣ Словесности, идея о самобытности явится въ благодѣтельныхъ и великихъ послѣдствіяхъ. Но прежде того, сколько должна испытать она неудачь и усилій тщетныхъ, обманчивыхъ! Такъ въ настоящемъ случаѣ: думая стремиться къ самобытности, наши отличные писатели стремятся явно противъ нея. Для доказательства, надобно только обратиться къ сущности предмета.

На чемъ основывается самобытность человѣка и народа? Конечно не на внѣшнихъ предметахъ, а на внутреннемъ чувствѣ его, освѣщаемомъ сильнымъ умомъ и укрѣпляемомъ душею могучею. Но принимая взглядъ, понятія и языкъ драгоцѣнныхъ намъ предковъ, вы уже отрекаетесь отъ собственныхъ вашихъ понятій, взгляда и языка. Вы хотите подражать чуждому, прошедшему, и подавляете всю самобытность свою. Повторимъ еще разъ: вы не можете подражать предкамъ вашимъ вполнѣ; вы будете подражать только тому, что было одушевлено у нихъ жизнію: формамъ ихъ. А ваши собственныя, данныя вамъ отъ Бога способности? Неужели онѣ такъ мѣлки и ничтожны, что не мо-

Digitized by Google

гутъ произвести чего либо великаго, достойнаго въ свою очередь быть образцовымъ для вѣковъ? И неужели формы нашего времени, формы языка, общества, нравовъ и понятій нашихъ, не представляютъ для художника ничего изящнаго? Напротивъ, онѣ сообразны намъ самимъ. Наше общество представляетъ неисчислимое множество предметовъ для созданій всякаго рода; наша Исторія и формы нашей образованности отражаютъ въ себѣ опыты и событія многихъ тысячъ лѣтъ; нашъ языкъ вѣрно служитъ нашимъ понятіямъ и каждому оттѣнку нашихъ мыслей. Есть одно препятствіе для художника: это сила примѣровъ и образцовъ, готовыхъ мыслей и цѣлыхъ теорій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ. Мы страдаемъ отъ богатства нашего, и подобно какому нибудь Англійскому богачу, отъ скуки плывемъ за океаны, въ среду отдаленныхъ и дикихъ народовъ, искать природы и неискусственнаго чувства. Вотъ наконецъ чѣмъ ограничиваются неудобства нашего времени!... Конечно, тяжело переносить скуку и угнетеніе богатства: можетъ быть тяжеле нежели поэтическое стѣсненіе бѣдности! Это каждый день слышимъ мы съ роскошныхъ диванов, гдѣ утонувшіе въ наслажденіяхъ и лѣни восклицаютъ: «О какъ счастлива беззаботная, имѣющая все впереди бѣдность!» Но —пошлость за пошлость—неужели вы, такъ-же какъ эти несчастливцы, не можете вырваться изъ обаяній вашего богатства? Неужели вы не можете забыть вашихъ Байроновъ и Шиллеровъ, Шекспировъ и В. Скоттовъ! Неужели не можете вы забыть

Digitized by Google

вашихъ теорій и правилъ? Нѣшъ? Какъ-же хотите вы сдѣлаться самобытными поэтами, Рускими, и даже Рускими прошедшихъ вѣковъ? Но я не вѣрю вашему отрицанію. Обратитесь къ природѣ: она всегда нова; она приметъ васъ въ свои необъятныя объятія и наградитъ всѣмъ богатствомъ своимъ. А теперь, напрасно развиваетъ она свои роскошныя долины, напрасно раздвигаетъ поэтическія, таинственныя дебри, напрасно катитъ серебряныя волны огромныхъ рѣкъ въ неизмѣримые океаны. Мы слѣпы къ красотамъ ея, мы глухи къ ея гармоніи, и отъ того нѣмы при взглядѣ на чудеса ея творенія. Мы сидимъ въ своихъ кабинетахъ, видимъ природу только на картинахъ и шкаиыхъ обояхъ, слышимъ о ней только изъ устъ описателей, и жалуемся на бѣдность своихъ впечатлѣній, своихъ идей. Мы обращаемся къ великимъ наблюдателямъ природы и человѣка, вопрошаемъ Омировъ, Шекспировъ, Гёте, но видя, какъ ненадежно и безплодно такое изученіе міра черезъ третьи руки, мы хотимъ заимствовать ощущенія и мысли у нашихъ предковъ, хотимъ присвоить себѣ ихъ простой, безыскусственный взглядъ, ихъ естественное выраженіе чувствъ, и научиться у нихъ быть поэтами, жить самобытною жизнью. Но и передъ священнымъ образомъ нашей старины мы играемъ ту-же роль. И неужели будетъ продолжительно заблужденіе наше? . . . . . Оставимъ-же все заимственное, потому что никогда не сольется оно съ нами. Мы не должны подражать ни чуждымъ писателямъ, ни старинным

Digitized by Google

нашимъ сочинителямъ, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ перемѣняется только предметъ подражанія: слѣдствія одинаковы — мы не будемъ самобытны.

Писатели, именованные нами, хотятъ не только подражать стариннымъ сочиненіямъ, но и пересказывать ихъ почти тѣми-же словами, въ тѣхъже выраженіяхъ, какія находятся въ подлинникѣ. Я не думаю, чтобы люди, столь превосходные дарованіями какъ Жуковскій и Пушкинъ, могли имѣть странную мысль: *передѣлывать* старинныя наши сказки. Никакая передѣлка не можетъ быть поэтическимъ созданіемъ, а Искуство требуетъ созданій, не дозволяя вынимать душу или обрубать члены у творенія, которое хотите вы передѣлать. Пусть живетъ оно своею жизнію, тою жизнію, какая есть въ немъ; пусть умираетъ, если нѣтъ въ немъ жизни. И можетъ-ли Искуство, неистощимое въ созданіяхъ, нуждаться въ неудачной попыткѣ? Если-же сочиненіе, которому хотите вы придать новыя формы, изящно само по себѣ, то можно-ли налагать на него святотатственную руку? И такъ, оставляя самую мысль о *передѣлываніи*, потому что не предполагаемъ ея ни въ Жуковскомъ, ни въ Пушкинѣ, мы обращаемся къ тѣмъ послѣдствіямъ, какихъ должно ожидать отъ самаго близкаго подражанія стариннымъ Русскимъ сочиненіямъ.

Писатель, одаренный силою привлекать къ себѣ вниманіе читателей, можетъ на время ослѣпить ихъ каждымъ своимъ опытомъ. Но берегитесь: нѣтъ

Digitized by Google

ничего злопамятнѣе обманутаго ожиданія. Самое превосходство и прежніе успѣхи ваши будутъ поводомъ къ новому ожесточенію читателя при вашей неудачной, невѣрной попыткѣ. . . . . Попытки Жуковскаго и Пушкина въ подражаніи Русскимъ сказкамъ — неудачны, по крайней мѣрѣ ниже своихъ образцовъ, дышащихъ всѣмъ простодушіемъ доброй старины, и оригинальностью разсказа неподражаемою. Неудачныя попытки нашихъ поэтовъ не только не пробудятъ любви къ старинѣ и не породятъ самобытности, но могутъ еще имѣть дѣйствіе совершенно противоположное. Этого мало. Какъ подражанія, онѣ еще могутъ повести къ новому забвенію истинныхъ силъ Русскаго ума, Русской души, и для этого — странное положеніе! — почти надобно желать неуспѣха нашимъ поэтамъ.

Мы не думаемъ, чтобы нашелся хотя одинъ изъ нашихъ читателей, который спросилъ-бы у насъ, что̀ разумѣемъ мы, говоря: силы Русскаго ума и души. Но для поясненія мысли своей вполнѣ, скажемъ, что такъ называемъ мы то благодѣтельное, давно желаемое сближеніе съ природою и человѣкомъ, которое должно совершиться не черезъ посредство какой-либо чужеземной Литературы, и не посредствомъ старины Русской, а собственными нашими силами, нашею Русскою душою и умомъ девятнадцатаго столѣтія. Унизительно и безразсудно было-бы думать, что славный Русскій народъ, уже совершившій великіе, безсмертные подвиги, неспособенъ къ образованію Литературы самобытной. Чего недостаетъ намъ? Природа на-

Digitized by Google

шего великаго отечества должна внушать намъ помыслы высокіе, давать впечатлѣнія сильныя; Исторія наша, соединяющая въ себѣ три рода поэзіи — Востокъ, Западъ и Сѣверъ — представляетъ такое разнообразіе, какимъ могутъ похвалиться немногіе народы; а настоящая судьба нашего отечества безпримѣрна. Не разсыпаясь въ похвалахъ ей по одному только сознанію своего достоинства, мы однакожь можемъ сказать, не нарушая благородной скромности, что въ будущемъ предстоитъ намъ много блестящаго и славнаго. И такой народъ, съ такою судьбою, съ такою природою, не найдетъ въ настоящемъ своемъ стихій для поэтическихъ созданій? Надобно прежде отказаться отъ ума и души, и потомъ согласиться, что мы должны жить заимствованіями и подражаніями.

Поэзіи нашей предстоитъ подвигъ великій, можетъ быть трудный и продолжительный, но тѣмъ болѣе славный и богатый несомнѣнными успѣхами. Самая старина Русская ждетъ и требуетъ не передѣлываній и подражаній, а только взгляда, взгляда поэтическаго, одушевленія истиннаго, глубокаго. Обрабатывайте ее не такъ, какъ обрабатывали предки наши, а какъ люди настоящаго времени. Откройте въ ней поэзію новую, а не ту, которая уже открыта. Для ясновидящаго взора поэта не закрыта и обремененная двадцатью вѣками Грецiя, прешедшая, покрытая своими изящными обломками Грецiя; тѣмъ болѣе Россія, близкая, родная намъ, неразлучная съ нашими помышленіями, съ нашею жизнію. Если поэтъ, переселяясь въ прошедшее чуждыхъ ему народовъ, можетъ вос-

Digitized by Google

пламеняться до поэтическаго одушевленія, то чего не создастъ онъ, погружаясь въ свой родной міръ!.. Одно условіе необходимо для этого: дарованіе, необремененное чужими взглядами и мыслями. Дарованіе откроетъ путь къ таинственной старинѣ, найдетъ доступъ и къ сердцу Русскому. Пусть только одушевленіе его будетъ чисто, не затемнено чужимъ подсказываніемъ.

Въ самомъ стремленіи къ этому заключается весь будущій подвигъ нашихъ поэтовъ. Счастливцы!.... Но они не чувствуютъ прелести и возвышенности своего призванія. Они тратятъ время и средства свои на разнообразныя попытки; они не хотятъ заглянуть въ глубину души своей, Русской души, и свѣтомъ ея озаритъ родные всѣмъ намъ предметы. Конечно, они въ правѣ возразить, что не могутъ дѣйствовать по указаніямъ, и пишутъ лишь то, что внушаетъ имъ фантазія. Уважаемъ, болѣе всякаго другаго, это священное право поэта, и выдаемъ свои мысли совсѣмъ не учительскими предписаніями, а какъ мнѣніе безпристрастной Критики. Развѣ Критика не имѣетъ также своего законнаго права: излагать мнѣнія, которыя почитаетъ она справедливыми? Скажемъ болѣе: она обязана замѣчать уклоненія отъ прямаго пути, и указывать на фаросы Искусства, на вѣчныя истины теоріи, по которымъ долженъ направлять свой путь всякой писатель и даже поэтъ. Критика можетъ ошибаться въ частныхъ примѣненіяхъ своего суда, но она и заботится не о частностяхъ, а о направленіи Искусства. Произведенія конченныя служатъ для нея только свидѣтельствами, *фактами*

Digitized by Google

(позволяю себѣ употребить здѣсь это чужое слово). . . . . .

Наши поэты убѣдятся наконецъ своими неудачами, что они должны оставить мысль о заимствованіяхъ и подражаніи, въ какомъ-бы то ни было видѣ, въ подражаніи-ли древнимъ Классикамъ, въ подражаніи-ли великимъ геніямъ новыхъ временъ, или сочиненіямъ нашей старой Руси. Глядя своими собственными глазами, чувствуя собственною душою, они отыщутъ и свой, имъ самимъ принадлежащій языкъ. Для человѣка, для поэта девятнадцатаго столѣтія чуждъ и тѣсенъ языкъ нашихъ старыхъ писателей. Я-ли скажу вамъ, какъ создастся языкъ нашъ, изъ какихъ элементовъ, изъ какихъ матеріяловъ образуются его новые, согласные со всѣми требованіями ошибки! Это трудъ вѣковъ. Будемъ помнить только то, что уже и теперь языкъ нашъ сосвязается съ самыми богатыми и образованными языками всѣхъ временъ и народовъ; что онъ основанъ на такихъ законахъ, которые допускаютъ все возможное разнообразіе, всю гибкость, нѣжность, игривость, и силу выраженія. Будемъ хранить это драгоцѣнное наслѣдство нашихъ предковъ, будемъ дорожить имъ, и обогащать его новыми приращеніями и безпрерывною обработкою. Въ отношеніи къ языку, важный и безъ сомнѣнія главный матеріялъ представляютъ наши старыя книги; но это матеріялъ — не болѣе — который требуетъ ума и души поэтовъ, разбора и очищенія Критики. Языкъ мертвъ, если онъ не въ живописномъ обладаніи человѣка.

Думая объ одномъ только простодушномъ выра-

Digitized by Google

женіи старинныхъ сочиненій — ибо изъ нихъ нечего болѣе заимствовать — мы можемъ оставить въ небреженіи языкъ настоящаго времени, требующій усовершенствованія во всѣхъ отношеніяхъ. Но это не главное: забывая настоящее и думая оживить его старинною неподдѣльностью чувства и выраженія, мы можемъ сдѣлаться мѣлки и въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ, ибо станемъ подражать только наружному, приноравливая для этого свой умъ и чувства къ старинnымъ понятіямъ. Отъ немногихъ отличныхъ писателей, которые могутъ поддержать свое усиліе по крайней мѣрѣ на почетной степени, желаніе поддѣлываться подъ старину можетъ распространиться на всѣхъ пишущихъ, и тогда подвигъ нашего поколѣнія погибъ въ усиліяхъ безплодныхъ! Знаете-ли вы, что̀ такое толпа, овладѣвшая ложною мыслью, и еще болѣе ложнымъ направленіемъ? Это неизлечимый больной, поддавшійся одной мысли. Только смерть можетъ кончить его жалкое поприще; но никакія пособія Искусства не помогутъ ему. Въ Исторіи нашей Литературы было уже нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Филантропическій взглядъ Карамзина, который сообщилъ его своимъ дарованіемъ всему своему поколѣнію, оставался господствующимъ до тѣхъ поръ, пока не явилось на поприще новое поколѣніе, съ новыми, сильными дарованіями. Этотъ взглядъ отразился тогда во всѣхъ частяхъ Литературы: и въ Исторіи, и въ Стихотворствѣ, и вообще въ Словесности. Что̀ осталось намъ отъ трудовъ поколѣнія Карамзина? Его личное дарованіе, и громада книгъ, служащихъ только урокомъ

Digitized by Google

для будущаго. Научимся-же этимъ урокомъ, и помня что въ Словесности все зависитъ отъ направленія, какое даютъ ей могущественныя дарованія, не устрашимся сказать имъ: « Остановитесь! Довольно опытовъ и неудачныхъ странствованій въ чужія владѣнія. Будьте Русскими не прошедшихъ вѣковъ, но настоящаго времени.»

Этого требуетъ не одинъ голосъ нашъ, который конечно можетъ быть заглушенъ кликами восторженныхъ поклонниковъ: этого требуетъ время, указывающее на опыты прошедшаго и на судьбу нашего будущаго.

К. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Димитрій Самозванецъ*. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. А. Хомякова. М. Въ т. Лазаревыхъ Институт. Восточ. языковъ. 1833. 220 стр. in-8.

Предметъ, послужившій основою новой драмы Г-на Хомякова, уже не одинъ разъ воспламенялъ воображеніе Русскихъ поэтовъ. Извѣстны сочиненія А. П. Сумарокова, Нарѣжнаго и Пушкина. Въ *Годуновѣ* сего послѣдняго Лже-Димитрій не только играетъ важную роль, но и служитъ основою всей пьесы. Не изслѣдывая причинъ, отъ чего именно это лицо нашей Исторіи обращало на себя вниманіе Русскихъ драматурговъ, признаемся, что, по нашему мнѣнію, ни одинъ изъ нихъ не представилъ его въ истинно-поэтическомъ видѣ. Г-нъ Хо-

Digitized by Google

мяковъ, кажется, былъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Онъ представляетъ Самозванца уже достигшимъ предмета своихъ честолюбивыхъ желаній. Самозванецъ въ Кремлѣ, онъ властвуетъ Россіею, онъ готовится къ новымъ подвигамъ. Его окружаютъ преданные ему люди. Но въ самомъ характерѣ Лже-Димитрія заключается причина его неизбѣжнаго паденія. Онъ пылокъ, неукротимъ въ страстяхъ; онъ увѣренъ, что ему предопредѣлено возвести Россію на высшую степень славы; онъ знаетъ свое происхожденіе, знаетъ, что онъ не законный наслѣдникъ Русскаго престола, а самозванецъ; но злодѣйство похищенія надѣется онъ загладить побѣдами, благостію и мудростью. При этомъ, успѣхъ сдѣлалъ его столь самонадѣяннымъ, что онъ думаетъ однимъ взглядомъ проницать въ сокровенные изгибы души человѣческой, и почитаетъ каждое свое дѣйствіе вѣрнымъ шагомъ для своихъ будущихъ успѣховъ. Такой характеръ представляетъ много поэтическаго, тѣмъ болѣе, что ему противопоставленъ характеръ скрытнаго, коварнаго, непримиримаго врага, Василія Шуйскаго. Этотъ характеръ отдѣланъ не менѣе искусно, хотя искусственность его часто уже излишне видна въ сочиненіи Г-на Хомякова. Лже-Димитрія мы и воображаемъ такимъ, какимъ представленъ онъ, и въ этомъ-то сходствѣ идеала съ видимымъ на сценѣ лицомъ состоитъ успѣхъ Автора, который не обезображивая историческаго Лже-Димитрія, умѣлъ

Digitized by Google

сдѣлать его поэтическимъ, представивъ смѣлаго искателя приключеній, храбраго до безразсудства, умнаго, превышающаго своихъ современниковъ, истиннаго западнаго рыцаря. Таковъ долженъ быть Лже-Димитрій; ибо только такимъ понятіемъ о немъ можно объяснить блестящіе его успѣхи. Напротивъ Шуйскій, неспособный ни къ чему необыкновенному, есть вмѣстѣ съ тѣмъ оживленная осторожность, или лучше сказать то пошлое благоразуміе, которымъ люди ничтожные по уму и дарованіямъ достигаютъ великихъ успѣховъ. Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, Донъ-Кихотъ и Санхо-Панса. Одинъ погибаетъ отъ излишней самонадѣянности, другой пріобрѣтаетъ все своею осторожностью, чтобы послѣ, при встрѣчѣ новыхъ, нежданныхъ обстоятельствъ, возвратиться къ прежней своей незначительности. Такъ, по крайней мѣрѣ, изображаетъ Г-нъ Хомяковъ Лже-Димитрія и Шуйскаго. Мнѣ кажется, что онъ несовершенно постигъ сего послѣдняго. Конечно честолюбіе и ненависть должны были таиться въ душѣ его; но главною пружиною дѣйствій его была прямая увѣренность въ правотѣ своего дѣла. Шуйскій былъ настоящій вельможа своего времени: набожный, истый Россіянинъ, съ примѣсью личнаго коварства и честолюбія. Такъ представляя себѣ его, можемъ объяснить каждое его дѣйствіе. Но послѣ возведенія на плаху, прощенный Самозванцемъ, онъ не могъ простить ему кровной, горячей обиды, и смѣло пустился въ заговоръ, окончившійся въ его выгоду и на погибель пришлеца. Если-бы такъ развилъ

Digitized by Google

его характеръ Г-нъ Хомяковъ, онъ нашелъ-бы болѣе разгулу для своего богатаго воображенія.

Подробно говоря о главныхъ двухъ характерахъ, мы только упомянемъ о побочныхъ. Царица Марѳа представлена какъ-бы участницею Лже-Димитрія: она знаетъ, что это не сынъ ея, и употребляетъ свою тайну для освобожденія Шуйскаго отъ казни. И этотъ характеръ, кажется, понятъ также не совсѣмъ вѣрно. . . . . .

Превосходно изображеніе Дьяка Осипова, обличающаго Самозванца въ присутствіи всего Двора: это лицо и сцена его принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ Автора. Марина представлена слабо: она исчезаетъ въ толпѣ другихъ, сильнѣйшихъ характеровъ, каковы: Пашеръ Квицкій, Басмановъ, Аншоній, и проч. Особенно замѣчательно лицо Аншонія: его увѣщаніе Марѳы истинно въ Русскомъ духѣ.

Такъ обставивъ свою Трагедію, Г-нъ Хомяковъ изображаетъ постепенно возрастающее неудовольствіе придворныхъ и народа, къ чему самъ Лже-Димитрій подаетъ поводъ, допуская въ православномъ Кремлѣ служишь *Латинскую обѣдню*, давая Полякамъ волю оскорблять Рускихъ, попирая гордостъ Бояръ и не уважая благочестія Русскаго народа. Это крушеніе зыбкой власти изображено съ большимъ искуствомъ. Есть сцены прекрасныя. Об-

Digitized by Google

щность и особенно сцена окончательная не такъ удовлетворительны. Въ общности не видимъ мы той явной кары злодѣянія, которая можетъ быть едва-ли когда являлась такъ быстро и разительно, какъ надъ историческимъ Самозванцемъ. Авторъ идетъ къ развязкѣ нерѣшительно, и въ послѣдней сценѣ какъ будто мимоходомъ оканчиваетъ трагедію смертью Лже-Димитрія. Онъ поэтически изображаетъ робость и ненадежность заговорщиковъ, собирающихся у Шуйскаго, измѣнчивость толпы народной, повинующейся первому впечатлѣнію, униженіе и ненависть придворныхъ, готовящихъ гибель Самозванцу. Но взрывъ народной мести представленъ въ такихъ легкихъ, прошиворѣчащихъ цѣлому очеркахъ, что дочитавъ трагедію, вы какъ будто еще ожидаете развязки. Отъ чего это? Отъ того что и дѣйствительный Лже-Димитрій былъ только эпизодъ гораздо обширнѣйшей Драмы; безъ связи съ предыдущими и послѣдующими событіями, его мгновенная историческая роль остается, можно сказать, не разгаданною. При объемѣ обширнѣйшемъ, въ Драмѣ Г-на Хомякова было-бы гораздо болѣе полноты.

За всѣмъ тѣмъ, это произведеніе почитаемъ мы самымъ утѣшительнымъ для нашей Драматургіи, во-первыхъ по собственному достоинству онаго, во-вторыхъ по тѣмъ надеждамъ, какія возбуждаетъ оно. Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое, и болѣе могущественное нежели въ Ермакѣ; видѣнъ взглядъ мужа, а не юноши. Даже са-

Digitized by Google

мые стихи Г-на Хомякова, почти всегда прекрасные, въ *Димитріи* соотвѣтствуютъ измѣненіямъ драмы и страстей, изображаемыхъ въ ней — они образуютъ какой-то языкъ поэтическій, невольно обольщающій всякаго, неравнодушнаго къ изящному. Выписываемъ, для образчика, нѣкоторыя мѣста изъ сцены Маѳы и Димитрія.

Димитрій.

Да—я не Царскій сынъ, но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ
И крѣпко спятъ. Онъ мой! Я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Царица Маѳа.

О, царствуй долго, счастливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ, иль Шуйскаго проспить —
Почти одно.

Digitized by Google

Царица Марѳа.

Ахъ! для меня преступной
То лучше-бъ было. Вѣрь: и для тебя!
Обманъ тяжелъ, ужасенъ грѣхъ, и долго
Не процвѣтетъ неправда на землѣ.
Когда-бъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно....

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ! Престолъ
Комъ золота и камней; а порфира....
Что говоришь? Ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье
Все для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей,
На югъ, далеко, есть волшебный край.
Тамъ благодать степей широкихъ
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ.
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ,
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край, онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла-ль?

Digitized by Google

Царица Марѳа.

Быть можетъ поняла.

Димитрій.

Гляди туда, гдѣ спранъ Московскихъ грань.
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы,
Въ сердцахъ огонь, а въ мысляхъ свѣтъ и жаръ;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города и села процвѣтаютъ,
И корабли чрезъ море преплываютъ,
И *дышитъ медъ* и краски говорятъ....
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, села,
Я вызову изъ мертвой сей земли,
И свѣтъ наукъ и блескъ художествъ дивный
Я разолью — и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій!...

Царица Марѳа.

Онъ безуменъ!...

Изъ этого отрывка мы узнаемъ характеръ Лже-Димитрія болѣе нежели изъ многихъ, многихъ диссертацій. А стихи?... Въ нихъ еще есть нѣчто, напоминающее *Ермака*, однакожь, повторяемъ — шагъ успѣха великъ.

Digitized by Google

— *Календарь на* 1834 *годъ*. Calendrier pour l'année 1834. Одесса. 1833. Печатано въ Городской типографіи. 100 стр. in-16.

Наблюдатель просвѣщенія въ Россіи долженъ съ удовольствіемъ обращать иногда взоръ къ Одессѣ, къ этому городу, такъ недавно возникшему на берегу Чернаго моря, и уже занимающему одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ городовъ Россійскихъ, по своему народонаселенію, торговлѣ и важности заведеній общественныхъ. Самое просвѣщеніе находится тамъ на высшей степени, нежели въ другихъ Губернскихъ или Областныхъ городахъ. Въ Одессѣ способствуютъ этому: приливъ иностранцевъ, требующій сношеній Европейскихъ, множество богатыхъ купцовъ, и средоточіе властей Новороссійскаго края. И все это вмѣстѣ требуетъ книгъ, а книги всегда самый вѣрный и добрый признакъ просвѣщенія. Намъ рѣдко случается получать Одесскія книги, которыя какъ-то въ Одессѣ и остаются; однакожь иногда и онѣ доходятъ до насъ, и въ нихъ всегда находимъ мы не провинціяльную простоту, но Европейскую образованность. Въ прошедшемъ году извѣщали мы объ изданіи *Одесскаго Календаря*; онъ изданъ на 1834-й годъ съ новыми дополненіями и улучшеніями. Содержаніе его составляютъ слѣдующія статьи: *Неподвижные праздники — Церковное счисленіе и переходящіе праздники — Праздничные дни, въ которые присутственныя мѣста свободны отъ присутствія — Почты и дороги — Статистика Одессы — Гостинницы, въ коихъ пріѣзжіе могутъ останав-*

Digitized by Google

ливаться — Книжныя лавки — Адресы ремесленниковъ — Ярмарки Новороссійскаго края — Имена чиновниковъ, занимающихъ штатныя мѣста въ Одессѣ — Имена главныхъ чиновниковъ Новороссійскихъ губерній и Бессар. Области — Маклеры и Нотаріусы въ главныхъ городахъ Новой Россіи — Еврейскій Календарь — Магометанскій Календарь.

Изъ сего исчисленія видно, что и жители другихъ городовъ могутъ съ любопытствомъ заглянуть въ Одесскій Календарь. Выписываемъ нѣкоторыя извѣстія сокращенно.

Въ Одессу было привезено изъ-за границы книгъ, въ 1831 году 25,000 томовъ, въ 1832 году 40,000 томовъ.

Тамъ находятся двѣ публичныя библіотеки и четыре книжныя лавки, одна Русская и три иностранныя. Издавались Журналы: 1-е, Одесскій Вѣстникъ, 2-е Литтерашурные Листки, 3-е Листки Общества Сельскаго Хозяйства, 4-е Journal d'Odessa. Книгъ отпечатано въ 1832-мъ и первой половинѣ 1833 года 11-ть; въ 1833 году 6. Продано въ Одессѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій, Русскихъ и иностранныхъ, въ 1832-мъ году: Connaisance des temps 3 экз., Géologie et Climatologie asiatiques 1 экз., Физики Велланскаго 6 экз., Notre Dame de Paris 25 экз., Повѣстей Марлинскаго 10 экз., Исторіи Русскаго народа, Н. Полеваго, 25 экземпляровъ. (Стр. 50—53-я).

Digitized by Google

— *Данiилъ Гранильщикъ, или Повѣсти мастеровaго*. Соч. Михаила Ремона. 5 частей. (Первыя двѣ части переводъ Г-на Жданко, остальныя три Г-на П. Б....а). СПб. 1833 и 1834 гг. Въ ш. К. Вингебера. XIII, 215, 250, 219, 177 и 103 стр. in-12.

Мишель Реймонъ есть имя вымышленное, подъ которымъ скрывались авторы нѣсколькихъ прекрасныхъ произведеній новѣйшей Французской Словесности. Вотъ что говорилъ недавно самъ Авторъ *Данiила Гранильщика*, издавая два новые тома Повѣсшей подъ симъ заглавіемъ (два первые заключали въ себѣ повѣсти, изъ которыхъ составилось пять томовъ Русскаго перевода):

« Авторъ не скрываетъ отъ себя, что если два « первые тома *Данiила Гранильщика* заслужили нѣ- « который успѣхъ, то онъ обязанъ этимъ не столь- « ко собственному достоинству, сколько хорошей « извѣстности двухъ сочиненій, прежде изданныхъ « отъ имени Мишеля Реймона. Въ первый разъ онъ « явился въ свѣтъ подъ двойнымъ покровитель- « ствомъ сочиненій: *Le Maçon* и *Les Intimes*, хотя въ « послѣднемъ не участвовалъ ни сколько; а между « тѣмъ оно остается лучшимъ правомъ М. Реймо- « на на уваженіе читателей. » Далѣе онъ учтиво благодаритъ бывшихъ своихъ сотрудниковъ, и выставляетъ на заглавномъ листкѣ свое настоящее имя: *Мишель Массонъ*.

И такъ это Г. Массонъ забавлялъ всю Европу своими разсказами и привелъ въ движеніе перья переводчиковъ? Хорошо называть человѣка настоя-

Digitized by Google

щимъ его именемъ; но имя не человѣкъ! Дѣло въ томъ, что М. Массонъ и подъ маскою псевдонима, и въ новыхъ повѣстяхъ своихъ, неизмѣнно простодушенъ, замысловатъ, уменъ, часто милъ и глубокъ. Сердце человѣческое знакомо ему, и свѣтъ, люди всѣхъ званій извѣстны этому писателю не по наслышкѣ. Главнымъ достоинствомъ его сочиненій почитаемъ мы какой-то особенный способъ разсказывать: простодушно, подробно и занимательно. Впрочемъ, не ищите у него истинъ возвышенныхъ, громовыхъ, истинъ, какія высказываютъ вамъ Гёте, Жанъ-Поль, Гюго — нѣтъ! Г. Массонъ довольствуется гораздо меньшимъ. Онъ, такъ сказать, обираетъ около себя истины довольно общія, но ставитъ ихъ на такой точкѣ зрѣнія, и умѣетъ окружить такими новыми и оригинальными предметами, что вы незамѣтно слѣдуете за нимъ, увлекаетесь его разсказомъ и вдругъ останавливаетесь съ полною душою — Г. Массонъ кончилъ свой разсказъ. Читатели наши могли видѣть образчикъ его искусства въ повѣсти: *Песчинка* — она была напечатана въ Телеграфѣ, года два назадъ.

Въ пяти томикахъ Русскаго перевода находятся слѣдующія повѣсти: *Жена бѣглаго рекрута—Мать—Песчинка — Вывѣска — Плачъ медвѣдя.*

Совѣтуемъ обратить вниманіе на эту любопытную книгу, тѣмъ болѣе, что она переведена хорошо. Мы увѣрены, М. Массонъ не оставитъ насъ въ словѣ: онъ займетъ, развеселитъ, растрогаетъ читателя.

Digitized by Google

—*Разсказы о былом и небывалом.* 2 ч. М. 1834. Въ т. А. Семена. 292 и 260 стр. in-12.

Въ предисловіи, довольно остроумно написанномъ, Авторъ (Г. Мельгуновъ) говоритъ: «Во всемъ «нужна мѣра: и въ скромности, и въ искренно- «сти. Уравнивайте одну другою; будьте вмѣстѣ «и искренны и скромны: вотъ задача жизни, вотъ «тайна предисловій. Такъ и въ Искусствѣ. Ни го- «лой правды, ни голаго вымысла. Правда стыдли- «ва и носитъ покровъ; но этотъ покровъ долженъ «не скрывать, а только прикрывать ея строгія «формы. Задача Искусства: слить фантазію съ дѣй- «ствительною жизнію.» Мы не совсѣмъ согласны съ этимъ. Задача Искусства творчество, а для него все равно, откуда ни взятъ предметъ: изъ дѣйствительной-ли жизни или изъ головы писателя, потому что и въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ все таки будетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни. Искусство не творитъ уродливостей или нелѣпостей; по крайней мѣрѣ это уже не бываетъ принадлежностью Искусства.

Мы хотѣли только показать, что Авторъ не совсѣмъ вѣрно понимаетъ Искусство; впрочемъ, для читателя нѣтъ надобности, откуда беретъ Авторъ свои предметы: были-бы только хороши его Повѣсти. Задача Искусства ограничивается однимъ: творить изящно.

Въ *Разсказахъ о былом и небывалом* видѣнъ писатель образованный. Языкъ его правиленъ, легокъ; приличія лишь-серашурныя, приличія хорошаго общества, соблюдены; въ подробностяхъ разсказа нѣтъ ничего отталкивающаго читателя, нѣтъ той несно-

Digitized by Google

ной примѣси грубаго, нелѣпаго, которая обыкновенно бываетъ и въ языкѣ и въ мысляхъ недоучившихся школьниковъ или варваровъ-педантовъ. Но чего-то недостаетъ въ повѣстяхъ Г-на Мельгунова! Его читатель остается какъ-то холоденъ, не смотря на все желаніе Автора быть игривымъ и занимательнымъ! Чего, чего недостаетъ этимъ Повѣстямъ?... Зная, что мы говоримъ о сочиненіяхъ писателя образованнаго, скажемъ свою мысль искренно, съ полною увѣренностью, что онъ приметъ ее не болѣе какъ безпристрастное, независимое, внушенное однимъ чувствомъ истины мнѣніе. Повѣстямъ Г-на Мельгунова недостаетъ именно того, о чемъ говорили мы выше: творчества. Этого не замѣняетъ ни что: ни умъ, ни образованность, ни самое полное знаніе всѣхъ литературныхъ приличій. Можно съ удовольствіемъ прочитать, но не перечитать Повѣсти Г-на Мельгунова, потому что послѣ нихъ не остается въ душѣ читателя полнаго, глубокаго впечатлѣнія, которое заставляетъ снова браться за книгу и снова проходить по всѣмъ излучинамъ ея разсказа, дабы возобновить въ душѣ чувство, разъ возбужденное. Впрочемъ, и много-ли такихъ *увлекательныхъ* писателей въ современной намъ Европѣ, изъ множества людей съ дарованіемъ, пишущихъ нынѣ повѣсти и романы? Или, можетъ быть, уже мы, читатели, сдѣлались такъ безстрастны, что требуемъ слишкомъ много силы для своего пробужденія. Но такъ и должно быть съ тѣмъ родомъ сочиненій, для котораго настала пора быть обработаннымъ, то есть объясненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Для этого надобно чтобы его читали

Digitized by Google

охотно, требовали безпрерывно лучшаго, новаго, болѣе совершеннаго; надобно чтобы и писатели слѣдовали такому направленію. Окончательно останется въ выигрышѣ Искуство — слѣдовательно Человѣчество, слѣдовательно и мы, частичка его, жители девятнадцаго столѣтія.

Книга Г-на Мельгунова издана роскошно: на веленевой бумагѣ, съ хорошею виньеткою, въ красивой обверткѣ, на которой, какъ у Бальзака, напечатаны и названія Повѣстей: *Зимній вечеръ — Кто-же онъ? — Пророческій сонъ — Любовь-воспитатель — Да, или нѣтъ?*

—О преимуществѣ воспитанія юношества въ публичныхъ государственныхъ заведеніяхъ предъ частнымъ или домашнимъ. Разсужденіе, читанное въ торжественномъ собраніи Рязанской Губернской Гимназіи въ 20-й день мѣсяца Августа 1833 года, по случаю преобразованія ея по Уставу, въ 8-й день Декабря прошлаго 1828 года Высочайше утвержденному, Инспекторомъ оной Филиппомъ Ляликовымъ. М. 1834. Въ Университетской т. 19 стр. in-4.

Любовь къ отечеству и благородное сознаніе собственныхъ, *Русскихъ* силъ ума и просвѣщенія, уваженіе къ просвѣщенію чужеземцевъ и увѣренность въ недостаточностиі онаго для Русскаго юношества — вотъ чѣмъ ознаменована рѣчь Г-на Ляликова. Радуемся, что Рязанское юношество имѣетъ руководителя столь просвѣщеннаго, и что на его рѣчь можно указать какъ на образецъ скромности, благородства и вѣрнаго взгляда на воспитаніе отечественное.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *О переводѣ Римской Исторіи Мишеле.* — Спѣшимъ сообщить читателямъ нашимъ пріятное извѣстіе. *Римская Исторія*, сочиненіе Профессора Мишеле, изданная въ Парижѣ въ 1831-мъ году, переведена теперь на Русскій языкъ, и на дняхъ поступаетъ въ печать.

Нѣтъ надобности намъ распространяться о достоинствѣ сей превосходной, образцовой въ своемъ родѣ книги. Мишеле воспользовался всѣми трудами предшественниковъ своихъ, и глубокою ученостію обнявъ самые источники Римской Исторіи, освѣтилъ ихъ изысканіями Вико, Нибура, и другихъ великихъ преобразователей историческихъ наукъ. Но этого было-бы недостаточно для совершенства его книги. Кромѣ сего былъ потребенъ еще собственный, великій трудъ, и по признанію критиковъ самыхъ строгихъ, Мишеле исполнилъ его такъ, что лишь въ его книгѣ Исторія великаго Рима дѣлается понятною и доступною для всякаго. Образчикъ изложенія Мишеле читатели наши видѣли въ опытахъ нашего перевода, помѣщенныхъ въ Телеграфѣ 1832 года; по слабому от-

Digitized by Google

голоску нашему они могли судить о краснорѣчіи Французскаго писателя.

Намъ осшается упомянушь о Русскомъ переводѣ, оконченномъ и вскорѣ поступающемъ въ печашь. Эшимъ шрудомъ обязаны мы М. П. Розбергу, молодому ученому, занимающему каѳедры Всеобщей Исшоріи и Русской Словесносши въ Ришельёвскомъ Лицеѣ, и съ шѣмъ вмѣсшѣ Редакшору *Лишшературныхъ Листковъ*, издающихся при Одесскомъ Вѣсшникѣ. Переводъ его извѣсшенъ намъ, и пошому считаемъ себя въ правѣ сказашь, чшо онъ досшоинъ подлинника. Съ равнымъ совершенсшвомъ обладая Русскимъ и Французскимъ языкомъ, Г. Розбергъ могъ перевесши хорошо книгу, ошносящуюся къ предмешу его занящій, и хотя предсшавляющую много шруда, но по высокосши и прелесши подлинника вполнѣ вознаграждающую шрудъ самый щащельный.

Книга сія будешъ печашашься въ Москвѣ, и изданіе оной мы приняли на себя. Посшараемся исполнишь сію обязанносшь какъ возможно лучше, досшойнѣе предпріящія сшоль полезнаго. О времени выхода въ свѣшъ перевода Г-на Розберга будешъ извѣщено въ Газешахъ и въ нашемъ Журналѣ. Кажешся, эшо должно послѣдоваш вскорѣ, ибо препящсшвій никакихъ не предвидимъ.

— *Изъясненіе карщинки.* — Церковь Св. Пешра въ Римѣ есшь, можешъ бышь, прекраснѣйшее изъ всѣхъ зданій, сущесшвующихъ на землѣ. Первая

Digitized by Google

идея плана ея принадлежитъ знаменитому Архитектору Браманте, который началъ и строеніе самой церкви. Но такія зданія оканчиваются лишь вѣками, ибо для нихъ мало человѣческой жизни. Послѣ Браманте занимались постройкою сего единственнаго зданія многіе, между прочимъ Сангалло и Перуцци; но главный трудъ совершилъ Микель-Анджело Буонароттп. Онъ построилъ исполинскій, неподдерживаемый ни однимъ столбомъ куполъ, который имѣетъ въ вышину, вмѣстѣ съ крестомъ, 68 туазовъ. Послѣ Микель-Анджело занимались тутъ еще многіе Архитекторы; между прочимъ Мадерни вывелъ переднюю часть церкви и двѣ боковыя башни. Построеніе всего продолжалось болѣе ста лѣтъ (отъ 1506 до 1614 года) и стоило 45 милліоновъ Римскихъ талеровъ. Церковь сія находится на великолѣпной площади; съ обѣихъ сторонъ окружаютъ ее колоннады славнаго Бернини; передъ нею возвышается Египетскій гранитный обелискъ, съ двумя огромными фонтанами по сторонамъ.

Наружный видъ сей церкви, и все описанное выше, занимаетъ главное мѣсто въ картинкѣ, приложенной къ сей книжкѣ Телеграфа. Вправо, надъ колоннадою Бернини, видите часть Ватиканскаго дворца, зданія превосходной Архитектуры, и чрезвычайно огромнаго. Судите потому, что въ немъ заключается 13 тысячъ комнатъ! Тамъ-то собраны сокровища Искусствъ и Наукъ, для обработки и разсмотрѣнія коихъ еще недостало всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ. Тамъ трудолюбивые ученые открываютъ затерянныя рукописи древности;

Digitized by Google

шуда пушешествѣнники ходятъ покланяться великимъ, безсмертнымъ созданіямъ художниковъ; шамъ завоеватель Италіи взялъ лучшіе трофеи для своего Наполеоновскаго Музея; шамъ и Рафаэль произвелъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ своего геніяшакъ называемую *Рафаэлеву ложу*. Она находится въ шретьемъ этажѣ, близъ того мѣста, гдѣ на углу видите вы часы.

Сколько мыслей пробуждаетъ взглядъ на эту картинку, изображающую небольшое пространство, на которомъ собраны лучшія произведенія Искусства во всѣхъ родахъ! Сколько геніевъ трудилось надъ этими памятниками безсмертнаго Человѣчества!

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les velours épinglés changent leurs ornemens de satin ou de fourrure, et les remplacent par le gros de Naples; on voit des redingotes de promenade en velours plain, fermées sur le côté par une ligne de nœuds en rubans à gros grains.

On fait des redingotes en foulard fermées par des nœuds de satin de la couleur dominant dans l'étoffe, à moins que cette couleur ne soit celle du fond, blanc ou noir.

En fantaisie, une des étoffes du matin qui nous a frappés comme très-distinguée à cause de son extrême simplicité, est un gros de Naples à *œil de perdrix*. Sur un fond vert, un petit rond noir; sur un fond brun, un petit rond blanc. Ce gros de Naples est tout-à-fait dans le goût des dernières années du dix-huitième siècle.

On voit déjà des capotes de printemps. Les carreaux, les damiers, les écossais paraissent avec beaucoup de variation. Nous avons remarqués entre autres de grands carreaux très-fins, tracés par une seule ligne blanche sur fond de couleur, ou couleur sur fond blanc.

Encore de jolies capotes en *pagne de soie*, fond blanc à damiers roses; avec les rubans *de gaze taffetas* et des

(*) Въ Парижѣ до 20 Марта (н. ст.) 1834 года.

Digitized by Google

jacinthes roses. La passe a une coulisse, relève sur le front et descend en couvrant les joues.

Une toilette simple fut remarquée comme très-nouvelle; c'était une robe de crêpe blanc à corsage blanc décoleté; le tour de la gorge, au lieu d'être bordé d'une blonde, était bordé d'une frange en soie blanche. Cette frange garnissait le troisième bouillon de la manche, et une espèce de mancheron ou jockei à trois dents retombait sur le premier bouillon; une large ceinture de satin blanc terminée par de frange, nouait par devant à longs pans.

Deux toilettes absolument pareilles furent remarqués; c'étaient deux robes de crêpe, l'une blanche l'autre rose; le corsage à pointe était fait à draperie tyrolienne sur laquelle retombait une magnifique mantille de point d'Angleterre; la jupe de crêpe était relevée sur le genou par un ruban de satin qui était fixé à la ceinture; le jupon de dessous en satin plain n'était point garni.

Атласныя и мѣховыя украшенія на бархатѣ замѣняюшся гроденаплемъ; для гулянья, дѣлаютъ реденготы изъ цѣльнаго бархата, застегнутые съ боку полосою баншовъ изъ лентъ гро-гренъ.

Фуларовые реденготы застегиваютъ бантами атласными, цвѣта главнаго въ шкани, если только онъ не бѣлый или черный.

Ткань для утренняго наряда, которая показалась намъ отличною по удивительной прозрачности своей, есть гроденапль съ узоромъ *глазъ куропат-*

Digitized by Google